

ISSN 0869—4788



ЯНВАРЬ

ЮЗРА

1 93



ФОТО Л. БЕРЕЗНИЦКОГО

ЮГРА

№ 1 (15), январь 1993 г.

Издается

с сентября 1991 г.

Выходит один раз в месяц

Учре-
ты-М
га, не
нии



218192008

Государственная библиотека Югры

Редакционная
коллегия:

В. К. Белобородов
(редактор),

Н. И. Коняев (ответствен-
ный секретарь),

Л. В. Луцкай,

Т. А. Молданова,

Ю. С. Хозяинов.

Технический редактор

В. Г. Куприенко

Адрес редакции: 626200,
г. Ханты-Мансийск, ул.
К. Маркса, 14.

Телефон редакции 4-12-25.

Журнал зарегистрирован ис-
полкомом Совета народных
депутатов Ханты-Мансийско-
го автономного округа. Ре-
гистрационный номер 7.

Журналы в любом количест-
ве можно приобрести в ре-
дакции.

Подписаться на журнал мож-
но с любого номера в
местном отделении связи. О
случаях отказа в оформлении
подписки просим сообщать
в редакцию.

Сдано в набор 10.12.92 г.

Подписано в печать 6.01.93 г.

Формат 60x84/16. Бумага га-
зетная. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 3,74. Уч. изд. л. 4,48.

Тираж 2500. Зак. 3277.

Цена 10 руб.

Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть»
управления печати и массо-
вой информации админист-
рации Курганской области.
641800, г. Шадринск, ул.
Спартака, 6.

В НОМЕРЕ:

В. Соловьев. Из статьи «Социальный вопрос в Европе. Ответ на анкету Ж. Юре»	2
О Фонде потомков. Комментарий Т. С. Новашиной в записи Л. Луцкай	3
Т. Диодорова. С юбилеем, музей!	6
А. Круцкевич. Нужная всем память	9
Рисунки из стойбища.	10
А. Мухаметова. Что было до нас? .11	
А. Антипов. История промысла водо- плавающих птиц в Среднем Приобье в начале XX века.	14
Н. Чесноков. Речной бобр.	19
А. Кузнецов. Половой лов рыбы неводом	23
В. Балин. Город на Иртыше	26
Ф. Ларионов. Еще год на севере	29
В. Белобородов. Декабристы и си- бирские учителя	33
Ю. Надточий. Преданный вечности	36
Д. Н. Мамин-Сибиряк. Из рассказа «Старый шайтан»	44
Детский уголок	45
Т. Молданова. Орнаменты	50
Е. Ерныхова. Изготовление посуды из бересты	52
Говорите по-мансийски	54
А. Заев. Топонимический словарь Югры	55
П. Ситников. Чтобы не исчезло из памяти	56
Сделайте сами	58
В. Назаров. Пленники мороза	60
Ю. Гордеев. Серый гусь	62

13795п

СХТ

В. СОЛОВЬЕВ

...Подлинный смысл принципа равенства в том, что все люди равны как люди, как нравственные личности. Нравственная личность присуща, без различия, каждому человеческому существу. Отсюда следует, что ни один человек не может рассматриваться как средство для достижения чего бы то ни было (например, для производства материальных благ). Каждому человеку присуща внутренняя ценность, и он обладает неотъемлемым правом на существование, соответствующее его человеческому достоинству. Смысл общества в том, чтобы обеспечить каждому из его членов не только материальное существование, но и существование достойное. Ясно, однако, что бедность, переходящая известную границу, когда она становится отвратительной или принуждает человека отдавать все свое время и все свои силы на механическую работу, — такая бедность противоречит человеческому достоинству и поэтому несовместима с подлинной общественной нравственностью. Следовательно, долг общества — оградить всех своих членов от этой унижительной бедности, обеспечивая каждому минимум материальных средств.

Мне не надлежит определять, что можно и что должно сделать для этой цели. К счастью, церковная и гражданская власти проявляют живой интерес к этим вопросам. Общественный долг по отношению к бедным и обездоленным постепенно признается во всемирном масштабе, и мы видим повсюду серьезные усилия, направленные к его исполнению.

Однако уравнительный социализм не удовлетворяется упразднением экономического рабства. Он требует равного распределения благ, уничтожения личной и наследственной собственности: жажкий идеал — ужасный, если бы он осуществился. Равенство понимается здесь в своем внешнем и механическом выражении, а не в своем нравственном принципе, т. е. в человеческой солидарности. Этот высший принцип общественной жизни требует равного ограждения всех от экономического зла (унижительной бедности), но никак не требует равного для всех количества материальных благ, как не требует одинакового роста или одинаково густых волос. Нам важно, с нравственной точки зрения, чтобы все наши ближние были одинаково избавлены от нищеты, но это совсем не значит, что они должны быть одинаково богаты. Экономическое рабство должно исчезнуть, как исчезло рабство личное и гражданское, — разница же в богатстве есть лишь внешний факт, совершенно чуждый всякой идее нравственного порядка. Солидарность живого тела не допускает, без сопротивления, чтобы члены его были больными, она стремится к тому, чтобы все они были одинаково здоровыми, но она никак не допускает равенства формы и размера всех членов органического единства.

(Из статьи «Социальный вопрос в Европе.
Ответ на анкету Ж. Юре».)

СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич (1853—1900) — русский религиозный философ, поэт, публицист.

О ФОНДЕ ПОТОМКОВ

(Из решений VII сессии окрсовета)

Поддерживая инициативу малого Совета о создании окружного территориального фонда будущих поколений (Фонд потомков), Совет народных депутатов автономного округа решил:

1. Администрации округа перечислять ежеквартально, начиная с 1 января 1993 г., 20% средств (в том числе валютных), полученных от реализации окружной квоты товарных и сырьевых ресурсов, на банковские счета Фонда потомков.

2. Поручить окружному малому Совету до восьмой сессии Совета народных депутатов:

— доработать проект Положения об окружном территориальном фонде будущих поколений;

— зарегистрировать в установленном законом порядке Фонд потомков в форме акционерного общества открытого типа;

— рекомендовать выступить учредителями Фонда потомков окружному фонду имущества, ассоциации «Спасение Югры», другим организациям.

3. Поручить администрации округа, окружным комитетам по геологии, по управлению лесами, по земельной реформе, по экологии, по охране природы, по делам малочисленных народов Севера до 1 марта 1993 г. представить на рассмотрение малого Совета перечень месторождений, лесосырьевых баз и территорий для включения в Фонд потомков, а также проекты нормативных документов, определяющих их статус и сроки резервирования, с последующим утверждением решения малого Совета окружным Советом.

4. Считать целесообразным, на основании положительных экспертных оценок, использование средств Фонда потомков в инвестиционных фондах, создаваемых с привлечением приватизационных чеков населения.

5. Контроль за выполнением решения возложить на члена малого Совета Г. В. Тихонова.

В. А. Чурилов,
председатель Совета
народных депутатов
автономного округа.

* * *

Что мы оставим в наследство нашим внукам и правнукам! Вопрос громадный, даже если рассматривать его только в масштабе округа. И вот у нас уже занимаются созданием Фонда будущих поколений. Татьяна Сергеевна НОВАШИНА, заведующая отделом науки окружного Совета народных депутатов, комментирует данный вопрос.

— Прежде всего, мы очень часто слышим из уст политиков и правительственных чиновников, что необходимо беречь ресурсы государства, жить не только днем сегодняшним, но и завтрашним. Конечно, необходимо думать о будущем поколении не только с точки зрения проблем текущего дня, но и с точки зрения их обеспечения в будущем теми

природными богатствами, которыми нас так щедро одарила природа. В округе родилась идея создания Фонда будущих поколений или Фонда потомков. Я должна сразу сказать, что все цивилизованные страны мира, такие, как Штаты, Англия, Франция и относительно менее цивилизованные, такие, как Кувейт, Гренландия имеют вполне реализованную идею сохранения природного и ресурсного богатства своих стран для будущих поколений. Мы не оказались оригинальными и пошли тореной дорогой. Но — тореной относительно. Несмотря на то, что мировой опыт накоплен, мы оказались в полном неведении, если не считать каких-то теоретических познаний в этом вопросе. По всей вероятности, на территории нашей страны такого рода Фондов не существует. Но это не значит, что они не будут созданы. Такого рода меры принимаются во всех регионах.

На сегодняшний день принято решение малого Совета о создании рабочей группы по разработке пакета документов, в которую войдут и представители депутатского корпуса, в частности, председатели постоянных комиссий Тихонов Геннадий Васильевич, Карасев Владимир Иванович и работники окружного Совета, в их числе — зав. отделом науки — я, зав. юридической службой окружного Совета Чистов Виктор Николаевич.

Планы уже не просто вынашиваются, а предпринята попытка их реализации.

— Татьяна Сергеевна, вы, конечно, можете ошибаться и будете, очевидно, ошибаться при создании этого Фонда, но вы же не изобретаете велосипед. Наверное, проще поехать куда-нибудь, посмотреть, что и как!

— Да, лучше один раз увидеть, чем много раз услышать. Нас очень интересует Кувейт. Фонд развития Кувейта — это одна из мощнейших и богатейших организаций, которая определяет судьбу будущих поколений, сберегая ресурсный потенциал. И Кувейт нам очень близок. Близок прежде всего потому, что это нефтяной регион.

Посмотреть, каков же уровень функционирования Фонда развития Кувейта, было бы полезно. А пока рассмотрен проект положения, в котором в общих чертах обозначены цели, задачи и правовой статус этого Фонда. Мы предприняли попытку прописать не только правовой статус, но и в самых общих чертах определить, каков же будет механизм функционирования Фонда, прежде всего в плане аккумуляции сырьевых и денежных территориальных ресурсов. И сейчас, несмотря на то, что практического опыта создания такого Фонда у нас нет, я могу сказать, что иногда можно в большей степени проникнуть в глубину того или иного явления, если теоретические наработки будут подкреплены практическим опытом. Не хотелось бы оказаться в роли туристов, которые приезжают, смотрят и начинают внедрять у себя опыт цивилизованной страны, не выносив его в себе.

— Что может достаться нашим потомкам в первоизданном виде! Я думаю, национальные парки, заповедники. Ну а вы, очевидно, имеете в виду нефтяные запасы. Как сделать так, чтобы и нам досталось, и тем, кто будет жить после нас!

— Сегодня становится ясно, что даже для нефтяной промышленности необходимы заповедные места, которые окажутся нетронутыми нефтедобытчиками, нефтеразработчиками. В данном случае как раз идет речь о сохранении ресурсного потенциала в плане изъятия из разработки тех или иных месторождений. Там большой перечень месторождений, подлежащих резервации. Эта ресурсная резервация и повлечет за собой создание Фонда в его материальной части, которая окажется нетронутой до определенного момента, допустим, в течение 10, 20, 50 и более лет. Такой опыт есть и в Канаде, и в США. Ведь известно, что американцы давно уже идут по пути добычи нефти за пределами своей территории. В том же Ираке, в том же Кувейте и в России тоже. И если

даже в нынешних тяжелых условиях принимается решение на уровне округа о необходимости резервации лесных ресурсов, нефтяных месторождений для того, чтобы сохранить их как ресурсный потенциал будущих поколений, я думаю, уже можно сказать, что это колоссальной силы решение. Речь идет еще и о рублевых и валютных средствах, которые могут быть вложены в коммерческие банки. Все это даст возможность обеспечить жизнь будущих поколений. К моменту вхождения в жизнь их в качестве полноправных членов общества, наверное, будут нужны не только те месторождения, которые зарезервированы, но и те текущие средства, которые будут поступать со счетов и тоже не будут подлежать изъятию в течение 20—25 лет. Прогрессивное накопление дивидендов на нетронутый капитал идет, и это будут средства для поколений, которые завтра вступят в жизнь.

— **Наверное, самая большая проблема — прийти к согласию с нефтяниками!**

— Мы этим вопросом еще не занимались. Механизм изъятия, резервирования месторождений еще не отработан, и тем не менее первые шаги в этом направлении делаются. Создается не только законодательная база, которая так или иначе будет способствовать ресурсонакоплению, но и целый ряд структур. И Совет получает новые полномочия для такого рода бампера на пути экспансии. Проблем здесь очень много. К сожалению, наша страна являет собой гипертрофированный пример того, как может быть разночтение интересов доведено до абсурда. Вроде бы,

люди руководствуются одной идеей: блага людей, живущих сегодня, блага завтрашнего поколения. И идея вроде бы принята. Но вот способ реализации каждым воспринимается по-своему.

— **Наверняка, когда вы взялись за эту работу, у вас возникла такая мысль. Почему за столько лет существования Советской власти у нас никогда никто не думал о том, что же останется будущим поколениям?**

— А ведь вы на этот счет ошибаетесь. Я в недавнем прошлом преподаватель политэкономии, и мне очень хорошо известно, что как раз все было подчинено созданию светлого будущего для грядущих поколений. Ведь мы практически все 75 лет существовали ради светлого будущего. И поэтому говорить о том, что никогда не думали о сохранении ресурсного потенциала, наверное, было бы несправедливо. Другое дело, что никогда реально для этого ничего не делалось. Существовали институты, структуры, деятельность которых была целиком посвящена жизни будущих поколений. Это было, это всегда было. И сейчас очень часто и очень много говорится о необходимости сохранения ресурсного потенциала. Но это не значит, что между словом и делом не будет разрыва. Попытки на уровне округа решить эту проблему многими воспринимаются на словах позитивно, но на деле не всегда поддерживаются.

Рассматривать Фонд потомков в отрыве от всего, что происходит в округе, наверное, нельзя. Рассматривать его можно только в общем контексте развития рыночных отношений.

Записала Л. ЛУЦАЙ.

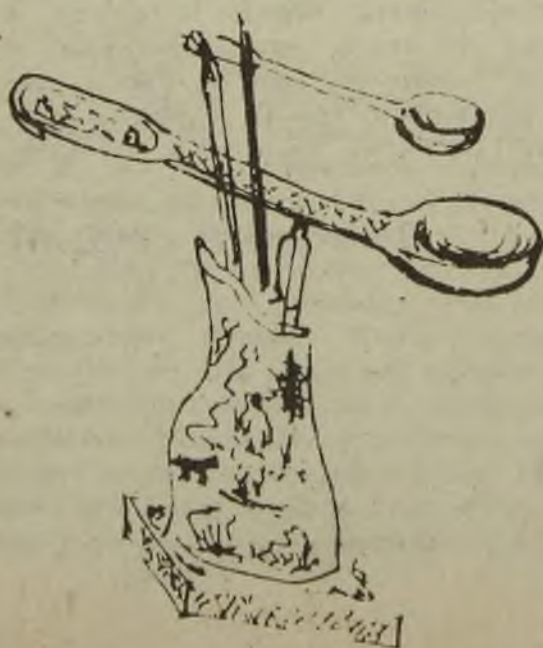


С ЮБИЛЕЕМ, МУЗЕЙ!

(К 10-летию Шеркальского музея прикладного искусства)

ОТКРЫТИЕ музея в далеком национальном поселке Шеркалы стало большим событием в культурной жизни Октябрьского района. Оно явилось результатом серьезной подготовительной работы в кружках национального творчества поселковых школы и интерната, благодаря бескорыстной помощи местных жителей.

Начало будущему музею прикладного искусства положили экспонаты, собранные членами кружка национального творчества, организовавшими краеведческую комнату на базе школьного комбината обслуживающего труда. Кружковцы составили план работы по восстановлению тех предметов домашнего обихода, одежды, орудий труда, которые ушли или уходят в прошлое. Ребятами было изготовлено множество поделок в технике аппликации, вышивки цветными нитками и бисером, выжигания по дереву. Занималась с ребятами воспитательница Трибус Галина Ивановна, ханты по национальности. Жители поселка стали приносить мастеровитым кружковцам изделия из бересты, дерева, медную посуду, старую одежду. Моя сестра из деревни Теги Березовского района прислала хантыйскую люльку («онтып») из бересты, в которой росли пятеро ее детей, в том числе и младшая дочь Зоя — Зоя Степановна Рябчикова, вице-президент окружной ассоциации «Спасение Югры»...



Настало время, когда в стенах нашей маленькой краеведческой комнатенки стало тесно. Мы обратились к председателю поселкового Совета с просьбой о предоставлении помещения под небольшой музей. К счастью, — иного слова не подберешь! — в это время в Шеркалах находился в командировке заведующий районным отделом народного образования. Александр Михайлович Давыденко. Он и посодействовал. С его помощью получили во владение помещение бывшего хозяйственного магазина, что стоит в центре поселка, рядом с клубом. Домик этот подремонтировали, выбелили, выкрасили, оборудовали под музей. Много труда вложили. Уютно стало в нем, хоть и отопление печное, и дрова под ногами,

и кочережка в углу... Да и помещение не из теплых оказалось.

Как бы то ни было, разместили свои экспонаты. Сделали искусственное озерцо для уголка природы, в углу поставили дерево, на нем укрепили чучело глухаря. Отвели место для показа предметов быта, орудий труда, рыбной ловли и охоты. Словом, устроились. Красота! Помогали нам женщины из национального ансамбля «Овыс нэ» и даже сам председатель Совета Тарасенко...

И наступил долгожданный, торжественный миг открытия первого в нашем районе музея. 29 декабря 1982 года прибыли к нам приглашенные из райкома партии, райкома комсомола, из районной газеты «За коммунизм», работники культуры и, конечно, наш «благодетель» Александр Михайлович Давыденко, передавший музею к тому времени десять оленьих шкур. Все — школьники, жители поселка, приглашенные собрались в поселковом клубе. Были произнесены поздравительные речи, высказаны благие пожелания и предложения, слова благодарности. После торжественного собрания состоялась церемония открытия музея, и право первым переступить его порог получил заслуженно Александр Михайлович...

Мы с Анной Тимофеевной Алексеевой — учительницей-пенсионеркой — поначалу работали вдвоем на общественных началах. Вскоре моя помощница заболела и работать не смогла. Осталась я одна. В одном лице и заведующая музеем, и экскурсовод, и техничка, и дворник, и истопник... Но все равно работать было радостно.



Вход в музей был бесплатным, приходили к нам и дети, и взрослые, приезжали гости из соседних поселков и сел, из района, из окружного центра. Поступали телеграммы с уведомлениями о приезде на экскурсии многочисленных групп. Вскоре при музее образовался свой рабочий орган — совет музея, на котором обсуждались планы работ, устанавливались связи со школами, решили проводить тематические классные часы, то есть непосредственно в музее знакомить малышей с предметами домашнего обихода, одеждой, обувью, орудиями труда народа ханты. С искусством, культурой среднеобских ханты знакомили на примере ансамбля «Овыс нэ» — «Северянка», детского ансамбля «Лесная сказка».

Особенно много работы бывало весной и осенью. Сами ребята из кружков национального творчества пилили и кололи для музея дрова, утепляли домик, приводили в порядок двор. Охотно и часто нам помогали ученики преподавательницы истории Татьяны Николаевны Дубининой. Помню, ограду вокруг музея сделали силами едва ли не всего поселка. Совхоз выделил лесоматериал для изготовления столбов, рыбоучасток — жерди на прожилыны, лесозаготовительный участок — штакетник. Словом, с миру по нитке. А поставить столбы и укрепить оградку вызвались — кто бы, вы думали? — ветераны войны и труда и комсомольцы поселка! И сейчас, спустя 10 лет, хочется от души поблагодарить этих людей. Спасибо вам и низкий поклон! До сих пор стоит эта ограда...

Лето — время бурного потока экскурсантов. На теплоходах прибывали к нам туристы из самых разных городов, областей и республик нашей страны: из Тюмени, Омска, Свердловска, Москвы, Ленинграда, Киева...



Много интересных людей побывало в нашем музее. Почти каждому из них хотелось оставить у нас память о себе. Таким образом в музее со временем накопилась коллекция открыток, значков, монет, сувениров. Постепенно благожелательными записями заполнялась музейная Книга отзывов. Вокруг музея появились свежие постройки: лабаз для хранения продуктов питания и одежды, хантыйская печь (мазанка), норым для просушки рыбацких сетей, рыбы, березовых веников...



Прошло 10 лет. Музей все еще ютится в старом домике. Давно пора расширять занимаемую площадь, но пока ничего обнадеживающего не предвидится. Несмотря на многочисленные обращения тех же наших посетителей к поселковому Совету, к районным руководителям. Неужели, думаю я, никому из нынешних руководителей нет дела до музея? А вот бывшее руководство, тот же Давыденко Александр Михайлович, тот же заведующий отделом культуры райисполкома Соловьев Анатолий Иванович, интересовались нашими делами, заботились о нас. И спасибо им за внимание!



Пора понять, что музей нам нужен не только для того, чтобы встретить экскурсанта и провести экскурсию. Музей — это прежде всего хранилище культуры древней Югры, искусства малочисленных народов Севера. А нам во что бы то ни стало нужно сохранить остатки своей культуры, все, что еще не ушло безвозвратно из нашей жизни. К тому же, в округе музеев прикладного искусства, насколько мне известно, не так уж и много.

Еще и еще раз обращаюсь к районному и окружному отделам Севера: Шеркальскому музею прикладного искусства необходима помощь в строительстве нового здания или хотя бы пристроя. Из-за стесненности существующего помещения нет возможности принимать даже новые экспонаты, их негде разместить, сохранность их не обеспечена. Два года назад с аналогичной просьбой я обращалась к нефтяникам Нягани. Пообещали помочь. Но дальше слов дело не пошло...

С юбилеем тебя, дорогой мой музей!
Живи, радуй людей, не сдавайся!

Т. ДИОДОРОВА,
бывший музейный работник.



Рис. А. ТОГАЧЕВА.

Нужная всем память

Наш этнографический музей создавался в течение нескольких лет художником Василием Дмитриевичем Круцкевичем. Выходя на этюды, он не раз встречал заброшенные хантыйские стойбища, которые пробудили в нем интерес и сочувствие к этому народу, привычные условия существования которого ныне разрушены: уходит зверь, гибнет рыба в отравленных нефтью реках и озерах, сожжены сотни гектаров тайги, утрачиваются национальные традиции.

Постепенно Василий Дмитриевич пришел к идее создать этнографический музей, чтобы сохранить какие-то частицы культурного наследия. Стал собирать экспонаты. Надо сказать, что сочувствия в этом своем деле он нашел мало, чаще приходилось видеть недоумение и выслушивать насмешки. Но однажды повезло: нашелся понимающий человек — начальник нефтегазодобывающего управления «Покачевнефть» Олег Вениаминович Пузанов, в прошлом тоже художник. И вот с его помощью был создан и в январе 1991 года начал работать музей.

Расположился он в пятикомнатной квартире блочного пятиэтажного дома. В нем собраны две сотни подлинных предметов быта, орудий труда, изготовленных когда-то руками коренных жителей. На стенах развешаны десять картин основателя музея, выполненных на национальные сюжеты.

Огорчает то, что далеко не все посетители способны глубоко переживать увиденное, их больше волнуют импортные вещи. Ведь в плачевном состоянии культура ханты, манси, ненцев, но очень мало тех, кто хотел бы раздуть еще теплящуюся искорку национальных традиций. Из детей ханты уже редко кто перенимает ремесло своих дедов. Они даже стесняются говорить на родном языке, носить национальную одежду. «Обрусачился» народ, а жаль. Поэтому мы и собираем по крохам оставшуюся память и несем ее людям — проводим экскурсии по залам, читаем лекции, сняли несколько фильмов. Изучаем историческую литературу, встречаемся с коренными жителями.

Сейчас собираемся открыть цех по изготовлению различных изделий в национальном стиле, работать в нем будут коренные жители этих мест. Но пока нет помещения, нужны станки, материалы. Я считаю, интеллигенция призвана помогать народу сберечь исконную культуру, восстановить утраченное.

А. КРУЦКЕВИЧ,
хранитель фондов этнографического музея г. Покачи.



Рис. А. ТОГАЧЕВА.

«РИСУНКИ ИЗ СТОЙБИЩА»

ПОД таким названием в ноябре в Тюмени открылась персональная выставка художницы Альфии Борисовны Мухаметовой. Более ста работ представлено на ней — живопись, графика, прикладное искусство (батик). Их создательница хорошо известна в округе, она участвовала во многих городских, районных, окружных, областных выставках, в зональной выставке в Кургане

и Всероссийской в Москве. Некоторые ее работы можно увидеть в частных коллекциях в Китае, Финляндии, Канаде. Известна художница и читателям «Югры», ее рисунки публикуются у нас из номера в номер.

Все работы А. Мухаметовой говорят о том, что ею владеет «одной лишь думы власть» — судьбы Севера, его коренных обитателей; в них вопиет боль за уходящий народ, исчезающую самобытную культуру. Одна из работ так и называется: «Уходят». Черное солнце, черный след улетающей птичьей стаи, идолы на фоне розового заката, люди, которые как бы растворяются в пространстве, превращаясь в орнамент — все это сообщает чувство тревоги.

Этим словом — «Тревога» — назван батик, приобретенный Тюменским музеем изобразительных искусств. На нем люди обращены с мольбой к верхнему богу — Торуму, но бог безмолвен, он далеко, неясны его очертания.

Доминирующая в творчестве тема определяет и выбор изобразительных средств. В последнее время художница стала применять мех, кожу, бисер, использует технику аппликации, считая, что нельзя уходить от исконно народных традиций.



Член Союза художников России Г. Райшев так отозвался об А. Мухаметовой: «Произведения ее говорят о натуре творческой. В живописи, декоративно-прикладных работах и графике она стремится к профессионализму. Мера абстрактного и реального найдена художницей в ее лучших работах. Ее образное мышление индивидуально, она много трудится и упорно ищет свой путь в творчестве».

Персональную выставку удачно дополняют поделки из бисера, прикладной материал, графика, представленные детской художественной школой г. Мегиона, директор которой — А. Мухаметова. Школа имеет этнографическую специализацию и, по сути дела, составляет единое целое с размещенным под этой же крышей этнографическим музеем. Но это — тема отдельного разговора. А пока мы публикуем ниже заметку, рассказывающую о школе, и рисунки двух ее воспитанниц — Галины и Марины Сбитневых,



Рис. А. МУХАМЕТОВОЙ.

ЧТО БЫЛО ДО НАС?

Школа открылась три года назад. Проект ее рассматривался на заседании кафедры национальных школ института повышения квалификации учителей в Ханты-Мансийске. В обсуждении участвовали кандидат педагогических наук Е. А. Немысова, кандидат филологических наук Е. И. Ромбандеева, доктор психологических наук из МГУ В. С. Мухина. Было запланировано изучение в школе живописи, рисунка, композиции, истории искусств и основ этнографии коренных народов Западной Сибири.

Так ли уж нужно преподавание этнографии в детской художественной школе? «Этнос» в переводе с латинского — «народ», а «графо» — «писать», «описывать». Следовательно, этнография — это народописание. Она позволяет составить картину жизни народа, познать его материальную и духовную культуру.

Этнографию у нас преподает директор музея В. И. Сподина. Дети под ее руководством знакомятся с предметом не только на уроках, но и в национальных поселках, на стойбищах. С Викторией Ивановной они совершают увлекательные путешествия в мир духов и сказаний. Сейчас уже составленная ею программа спецкурса начинает внедряться в общеобразовательных школах района.

Этнографию, как мы теперь убедились, можно интересно связать и с живописью, графикой, объединить эти предметы единой темой «Север». Под руководством художника-педагога Ф. Г. Башаровой дети создают графические серии хантыйских загадок, композиции «В мире духов», предметы быта, утварь. Мастер-прикладник с большим педагогическим опытом Н. К. Александрова обучает декоративно-прикладному искусству.

Не отступая от традиций хантыйских мастериц, учащиеся создают нагрудные украшения и кулоны из бисера, поделки из природного материала. Некоторые из их работ побывали в Ханты-Мансийске, где экспонировались на третьем съезде ассоциации «Спасение Югры», в Заводоуковске на областном смотре прикладного искусства и на нескольких международных выставках. В школе заведены творческие книжки, где отмечается участие детей в выставках. Наш музей нашел возможным учредить при поддержке спонсоров специальные стипендии по тысяче рублей, их получили отличницы Галина Плотникова и Марина Суворова. Дети, окончившие первую четверть на 4 и 5, получили стипендии от школы.

Из лучших работ учащихся 1-3 классов составлена выставка, которая открыта в ноябре в центральном выставочном зале Тюмени, называется она «Север в детском рисунке». Наташа Сушик, Света Коношенко, Аня Девяшина показывают здесь созданные ими неповторимые образы северных кукол, их же руками изготовлены панно, игольницы. Творчество Галины Сбитневой представлено серией графических листов на тему «Декоративно-прикладное искусство ханты». Света Мельникова, Айгуль Гузаирова, Татьяна Гончарова, Сергей Котельников сделали украшения из бисера. Всего на выставке более 150 работ.

У школы и музея много интересных замыслов, но трудно исполнить их, работая в такой тесноте, в четырех небольших классных комнатах. У администрации города нет заметного интереса ни к детскому творчеству, ни к этнографии.

А. МУХАМЕТОВА,
директор детской художественной школы.



Рисунок Сбитневой Галины, ДХШ, г. Мегион.

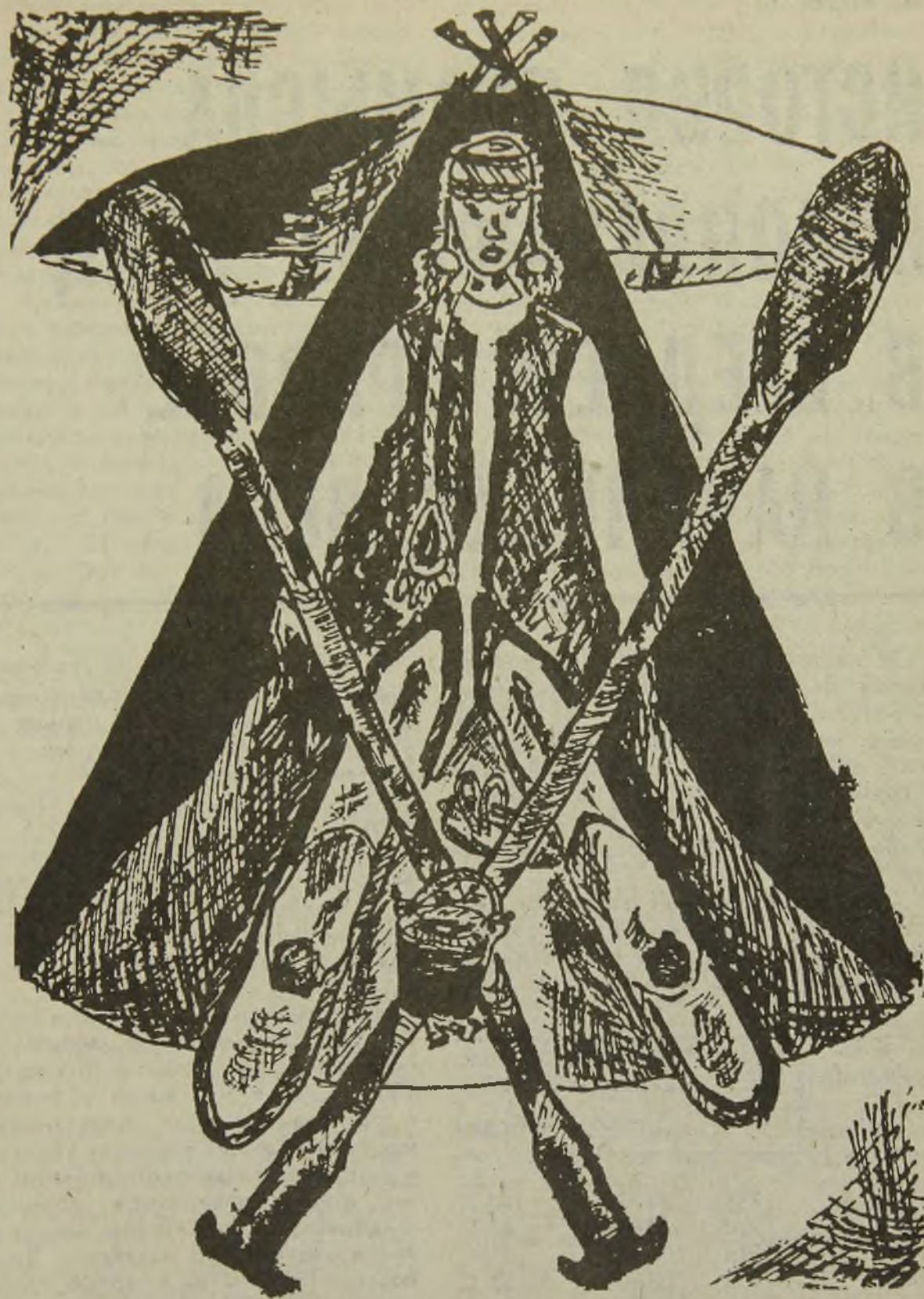


Рисунок Сбитневой Марины, ДХШ' г. Мегион.

ИСТОРИЯ ПРОМЫСЛА ВОДОПЛАВАЮЩИХ ПТИЦ В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В настоящее время промысловая охота на водоплавающих птиц уже утратила свое значение, а многие виды, которые в начале века считались промысловыми, отнесены к числу охраняемых и занесены в Красные Книги области и РСФСР — гагары, лебеди, краснозобая казарка, пискулька, турпан.

Статистический учет заготовок велся с давних времен. Вот, например, результаты учета водоплавающих в Нарымском крае в конце XIX века:

Год	Количество добытых птиц		
	гусей	уток	лебедей
1895	732	36952	40
1896	770	35867	42
1897	916	31147	53
1898	833	31406	60

В начале XX века с увеличением городского населения, развитием моды на украшения из перьев птиц и пуховые перины значительно увеличилась добыча лебедей — 222 в 1913 г., 120 — в 1915 г. Отмечена добыча гагар — 79 в 1915 г. и 130 в 1916 г. Добыча уток составила за 1912—1916 гг. всего 900—1388 шт. — очевидно, по причине недоучета всех добытых птиц в крае. Заготавливались пух и перо — 871 пуд в 1912 г.

Наиболее полные данные о заготовках водоплавающих по округу отмечены в отчетах середины 20-х — конца 40-х годов. В них часто упоминается о раскулачивании и коллективизации как неперемных условиях увеличения и интенсификации охотпромысла. В это же время появляются упоминания о должности охотоведа как специалиста охотничьего хозяйства. Видимо, поэтому в отчетах впервые высказываются мнения специалистов о сокра-

В работе рассматриваются способы охоты и промысла, объемы заготовок водоплавающих птиц, а также и этические, нормативные и правовые аспекты с начала века до 40-х годов. При написании статьи автор старался сохранить стиль изложения архивных документов 20-х—40-х годов.

щении численности водоплавающих в результате применения способов добычи, при которых не делалось отбора отловленных живых птиц по половому признаку. Появились рекомендации по выпуску из живоловушек до 50% самок. В это же время проведен учет охотничьего оружия и инвентаря, количества охотников, проведен опрос охотников о количестве добываемой и сдаваемой продукции. В материалах по охотустройству большинства районов округа в начале 30-х годов впервые приведен видовой состав водоплавающих птиц и определены местности, имеющие промысловое значение. В эти годы в округе охотпродукция заготавливалась по прейскуранту. Заготовительные цены не были одинаковы во всех районах: утка от 30 коп. до рубля за пару, гусь — от 40 до 85 коп., перо гусиное с пухом — 1 р. 40 коп., перо утиное мелкое — 1 руб., пух утиный — 4 руб., перо куропатки — 50 коп., перо тетерева — 30 коп., пух черный — 5 руб. за 1 кг.

В «Статистико-экономическом отчете обследования округа за 1926 год» указываются, что на р. Демьянка утку бьют из ружей, реже ставят плинницы (петли из конского волоса). За весну добывают 30—60 шт. на охотника. У каждого инородца есть 10—15 дуплистых деревьев-гнезд, из которых они собирают яйца гоголей. В июле давят утят собаками по сотне и больше. О численности птиц написано: «В 1924—25 годах птицы (уток. — А. А.) по р. Демьянке нет. Объяснения найти не могут. Гусь гнездится в небольшом количестве».

В Самаровском районе до запрета перевесов добывалось до 75 тыс. уток на сумму 15 тыс. руб. Ружьем уток добывалось (способ считался малопродуктивным) до 7—15 тыс. Важное значение имела добыча гуся во время весеннего пролета. «Промысел гуся ведется из ям в течение 15—25 дней. Гуся манят чучелами и звуком берестинки. Систематически заняты охотой на гусей 120 человек из 10 поселков, охотясь ружьями 8,

10, 12 калибров с собаками для отыскания подранков (что запрещено в настоящее время охотзаконодательством. — А. А.). Иртышские охотники (15 человек) добывают до 2,5 тыс. гусей, самаровские (45 человек) — до 7 тыс. гусей и сдают по средней стоимости от 80 коп. до 1 руб. за штуку. В Самаровском районе имеется в среднем на охотника по 0,3—0,6 ружей у коренного населения и 1,2—1,8 у русских. Хотя ловля перевесами уже запрещена, имеется от одного до трех перевесов на хозяйство.

В 1932 году было проведено охотобследование Кондинского района. Доход от утиног промысла на территории Нахрачинского сельского Совета составил 560 руб. За день здесь добывалось до 10 уток или 140—200 за сезон. В промысле участвовали сезонные охотники по договору, которые сдавали всех добытых уток. Штатные охотники до 50% добытых уток использовали для личного пользования. На промысле при большой воде использовались остроги, при малой воде — собаки.

В Балыкском и Тундринском сельских Советах уток добывали в течение 45 дней. Весной — перевесами, позже — пленками, линную утку ловили сетями и давили собаками, а также охотились с ружьями. За 1929—31 годы здесь добывалось самоловами от 90 до 475 уток, с помощью ружей — от 300 до 4230 уток. В угодьях Вычеппас, Тундрино, Сармановская Половинка, Лямино, Чеускины учтено 44 перевеса и на 4—5 перевесов в одной семье добывалось в среднем 1725 уток. Гусевание в этих угодьях проводилось с маньщиками и собакой. За год добывалось от 46 до 250 гусей. В 1935 г. на участке Тундрино — Усть-Балык опробован способ добычи линных водоплавающих с помощью неводоулов. В пробной тони попало до тысячи уток. Сезонную норму добычи поручено устанавливать охотоведу.

При обследовании охотугодий колхозов Сургутского района в 1929—1931 годах были выделены главные места

весеннего пролета и летовок водоплавающих. Местами концентрации уток весной считались угодья по р. Еган, пр. Шучья, устье р. Почекуйки, р. Никишкина, Клепикова курья, сор Першин и острова — Утиный, Зимовальный, Тюменцева, Раздоров, Сосновый, Гусиный, а также юрты Немчиновы. Летним местом скопления утиных в районе, как указано в «Сведениях по охотустройству за 1933 год», является пойма Оби. К северу от Оби утки держатся по рекам, но в меньших количествах. На юге района — в пойме Юганской Оби и Саторинской протоке — по речкам встречается мало. Гусь повсеместно пролетный, гнездится в небольшом количестве в пойме р. Пыу-Ях (притоке р. Салым), что совпадает с современными данными авиаучетов в 70—80 годах.

В колхозах Сургутского района ружейная добыча уток составляла 75—320 в 1929 г. и доходила до 825 в 1931 г. На перевесы добывалось соответственно 150—1050 и 3230 уток. В одном Сургуте колхозниками было сдано 1640 уток в 1930 г. и 900 — в 1931 г., частниками — 330 (1929 г.) и 1530 уток (1931 г.), любителями соответственно — 6930 и 7902 птицы, т. е. более 10 тыс. уток в год. В день на одного охотника здесь добывалось до 14 гусей и 20 уток. В северной части района соответственно — 0,3 гуся и 5 уток, а промысел здесь велся перевесами, пленками, сетями, луками и с собаками. Ружья не применялись.

Гусевание в Сургутском районе проводили весной по пескам на р. Обь из станков с чучелами и скрадом. Лучшими песками для гусевания считались Усть-Юганский, Утиный в 15 км выше Сургута, Усть-Почекуйский, Зубатинский — против Сургута, Боярский — против Белого Яра, Сайгатинский и Свиной. Здесь в 1929—31 годах добывалось в среднем 80 гусей на охотника. В иные годы сезонники добывали от 320 до 380, а любители — по 660—900.

В «Актах обследования Тром-Юган-Пимского охотхозяйства за 1932 г.»

сообщается, что на севере Сургутского района на поймах и междуречьях уток добывали мало. В основном для охоты применяли ручной лук, гагар ловили петлями, ружьями добывали до 10 и перевесами до 300 уток на охотника. Местными охотоведами разрешалось добывать по 200 уток лишь с 1 августа, 60% их сдавалось в заготовительные организации. Охотниками этой части района (Тромьюганско-Пимского междуречья) добыто водоплавающих с 1929 по 1931 годы:

год	уток	сумма (р.)	гусей	сумма (р.)
1929	3824	1912	83	166
1930	4356	2178	130	260
1931	4811	2406	104	208

Интересно отметить активную природоохранную политику местного населения Сургутского района. Уже в начале 30-х годов юридически существовали четыре местных заказника с границами по водоразделам рек Покурской и Куликъегана, Пима и Лямина, по рекам Почекуйке и Моховой и между д. Сивохрефт, Няшет, Сытомино до юрт Сатормины, что в пойме Оби. Местный сход ходатайствовал о дополнительных заказниках по рекам Салым, Пыу-Ях, Ай-Гун-Ягун. В правилах использования охотугодий района указано на недопустимость палов, предписано во время сенокосов оставлять пятиметровую зону вдоль водоемов. Охота на водоплавающих разрешалась с 15 августа по 1 июня. И все-таки местные власти ходатайствуют о разрешении промысла уток перевесами при условии выпуска 50% самок. Что же обещают нынешние охотники до открытия весенней охоты на уток? Не стрелять самок! И только. Так что наши предки в законотворчестве преуспели гораздо больше.

В восточной части округа охотустройство было проведено в 1932 году. В Ларьякском районе для охоты на птицу применяли ручной лук,

плавая за утками на обласах, ловили петлями, плинницами и перевесами. С помощью ружей чаще добывали лебедей, гусей и гагар. Доля уток в общей охотпродукции здесь от 5,7 до 19,6%. Одной семьей добывалось 114—126 уток (т. е. меньше, чем на севере Сургутского района). Местными жителями в качестве украшения и для пошива женской и детской одежды использовались шкуры лебедя, гагар и головки селезней кряковых уток. А общий доход от охотпромысла в денежном выражении в год здесь составлял 365 тыс. рублей на район.

В Березовском районе много утки добывалось в пойме Оби и на сорах Сев. Сосьвы, а в среднем течении рек Сосьвы, Верхней Сосьвы и Лямина утки мало. На р. Казым и пойме Оби уток добывали по весне перевесами по 200—400 на охотника, в добыче отмечалось до 90% самок. На Малой Сосьве — ловили пленками, перевесы не применялись. Перевесов здесь было от 1,1 до 1,8 на одно хозяйство, а Матлыме и Шеркалах по 0,1—0,2.

О численности уток сказано: «...чернеть осенью сплошь покрывает сора и подпускает на 5—6 м. Чирков и осенью ловят перевесами, их в добыче до 80%, добывают также крякву и широконоску — с весны до осени, за исключением периода, когда утка прячется с выводком». Кряква считалась у коренных жителей священной птицей и отпускалась с добрыми напутствиями. Обские вогулы шили себе одежду из шкур гагары и поганок, реже — чернети. Перо и пух сдавали. Доход от последнего у жителей Березова составлял до 6 рублей.

Добыча уток за 1926 год составляла в вершине р. Казым и Няксимволе 3—4 тыс., в Малом Алтыме, Шеркалах, Сартынье, Саранпауле — от 5 до 10 тыс., на сорах Казыма и Оби у Березова — от 55 до 70 тыс.

Регистрация охотничьих семей-хозяйств показала, что больше всего их в Березово — 532, на р. Казым отмечено 414 хозяйств, в Саранпаульском сельском Совете — 319. На одно

хозяйство приходилось от 0,3 до 1,5 собак, охотничьих ружей-централок — 0,6—0,9. Эти ружья чаще находились у русского населения и были представлены фроловками и берданками. Были и ижевские переломки, местные охотники покупали их по две из-за частых поломок, ругали за плохой бой и называли «спрынцовками». У коренного населения чаще встречались шомпольные ружья.

Всего по округу в конце 20-х — начале 30-х годов заготавливалось водоплавающей дичи на сумму до 300—400 тыс. рублей, в связи с чем у заготовителей возникали трудности с хранением продукции. План по заготовкам и реализации не выполнялся из-за порчи дичи на пути к потребителю. Убытки в 1931 г. составили 91 тыс. руб. Испорчено около 100 тыс. птиц. Но в 1932 г. вновь заготовлено 323,2 тонны утиного мяса, 240,5 центнера пуха и пера. Интересны цифры заготовок других видов продукции. В 1932 г. было заготовлено боровой дичи на сумму 6220 рублей, зайца — 81041, лося — 18867, медведя — 4743, морошки — 298417 и ореха кедрового на сумму 309615 рублей. Все эти цифры говорят о значительной доле заготовок мяса диких животных в общем бюджете местного населения округа, в том числе утиного мяса, $\frac{1}{11}$ которого вывозились за пределы округа. При этом до четверти этой продукции не доходило до потребителей из-за плохих условий хранения и транспортировки.

В 30-х годах в округе было заготовлено 1 млн. 732 тыс. водоплавающих, максимум добычи достигнут в 1932 г. — 445 тысяч. В 40-х годах добыто в 3,6 раза меньше — 484,5 тыс. Максимум заготовок отмечен в 1946 г. — 114,6 тыс. В 50-х годах добыча уток сократилась еще в 3,8 раза и достигла 126,1 тыс., максимум заготовок отмечен в 1951 г. — 48,5 тыс.

В отчете за 1948—1949 годы также говорится о срыве заготовок в Ханты-Мансийском округе. 12 июля 1948 г. в Москве состоялся научно-техниче-

13795п

СХП

ский совет, на котором прозвучал впервые призыв к охране водоплавающих птиц в РСФСР: «Обязать добровольные общества охотников, спортивные и заготовительные организации провести соответствующую разъяснительную работу о недопущении хищнического истребления водоплавающих птиц в местах зимовок, массовых пролетов и гнездовое время. Принять решительные меры к прекращению сбора и разорения гнезд, до сих пор еще практикующихся в местах массового гнездования. В местах массовых скоплений птиц по мере надобности рекомендуется учредить заказники».

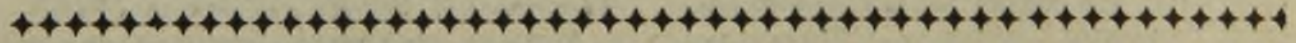
По Тюменской области осенью 1948 г. введен запрет на добычу лебедей, вылов молодняка уток и гусей и другой дичи собаками, силками, сетями, капканами, запрещена стрельба по стаям и охота с лайками весной. Охота на уток разрешена с начала прилета до 15 июня. Введены иски за разорение гнезд и незаконный отстрел птиц. Предусмотрен лов линных уток и гусей в невода по спецразрешениям. Охотникам Малоатлымского ПОХ в 1947 г. разрешено добывать линную и нелетную утку сетями, а на участке Лорба весной и осенью — перевесами. В 1952 г. при планировании Салымской зверофермы указывалось на возможность добычи до 10 тыс. линных уток.

Интересны данные о количестве охотников в округе. В 30-е годы их было не более 5,8 тыс., в 40-е их число не превышало 2,6—4,4 тыс. С 1943 по 1961 год отмечается тенденция к росту: в Самарово с 39 до 339, Нахречах — с 64 до 199, Октябрьском — с 39 до 339, Березово — с 195 до 504, Сургуте — с 156 до 526, Ларьяке — с 67 до 250. По сельским Советам число охотников было гораздо больше, а общее количество по округу в 40-х годах не превышало до войны 4,5 тыс.,

в послевоенные годы — 2,8 тыс., а к началу 50-х сократилось до 1,7 тыс. человек. (В настоящий период только любителей более 30 тыс.).

Публикуемые материалы помогли мне сделать ретроанализ объема заготовок водоплавающих в округе. Зная природные причины изменений, в частности, — фактор солнечной активности, и соответственно — фактор изменения уровня обводненности на территории округа, теперь можно говорить о прогнозировании. Основой этой работы являются в первую очередь данные учета водоплавающих птиц, которым автор занимался в период 70—80-х годов на территории всего округа.

Приведенные архивные документы по заготовкам птиц на Тюменском Севере логично вписываются в сталинскомичуринский план покорения природы, игнорировавший науку, подтверждением чего является закрытие Кондососьвинского и других заповедников, ряда научно-исследовательских учреждений. И все-таки к академической науке тогда прислушались, в результате чего появились рекомендации о пересмотре объектов добычи, ее сроков и норм. Внедрение новых рекомендаций по рациональному природопользованию носило локальный характер. В связи с этим нужно подчеркнуть активную природоохранную позицию местного населения. Строгость правил — вплоть до «табу» под угрозой смерти, как выяснилось из бесед со старожилками — выработанных местными сходами, была эффективнее запретов, исходящих от центральных ведомств. Это относится не только к водоплавающим птицам. На основании приведенных данных можно провести такую аналогию: если раньше «варягами», не уважающими традиционных местных условий природопользования являлись сезонники, то теперь — вахтовики. Хочется верить, что прибывшие за северными заработками поймут, наконец, заповедь: приехал — соблюдай местные традиции!



Н. ЧЕСНОКОВ

РЕЧНОЙ БОБР

Кто бывал в верховьях Конды в прежние времена, когда существовал Кондо-Сосьвинский госзаповедник, возможно, встречал перегораживающие русла малых речек и ручьев плотины из древесных ветвей, палок и ила. Эти плотины — плоды деятельности бобров, которые строят их, чтобы поднять уровень водоемов. Бобры примечательны именно тем, что они труженики. Жизнь бобра проходит в неустанных хлопотах: он валит деревья, разделявает их на чурки, строит плотины и жилища-хатки, запасает на долгую зиму корм — ветки лиственных деревьев.

Раньше бобры были широко распространены на Приобском Севере. Ученые считают, что северная граница их ареала доходила до Полярного круга. В сибирской ясачной пушнине бобр занимал второе место после соболя. Он исчез раньше соболя, так как добыть его легче. В Сибири уцелели только два очажка обитания бобров: в верховьях Енисея и в Зауралье. Зауральский очаг — Кондо-Сосьвинский — был крупнее енисейского, в нем перед созданием Кондо-Сосьвинского заповедника насчитывалось до 300 голов.

Речной бобр — самый крупный в нашей стране представитель отряда грызунов. Длина взрослого бобра вместе с хвостом превышает один метр, а вес достигает 20 кг. Строение тела и конечностей отражает приспособленность к водному образу жизни. Голова небольшая, с плотно прижимающимися ушами, шея короткая, тело валькообразное, расширяющееся книзу. Задние лапы толще и мощнее передних, пальцы на них соединены перепонками. Передние лапы употребляются при рытье нор, строительстве плотин и хаток. На задних лапах бобр, стоит, перегрызая дерево, ими загребает воду при плавании. Самым примечательным органом у бобра является хвост. Он имеет лопатообразную форму, покрыт кожистыми чешуйками. Хвост выполняет несколько функций. Это и орудие передвижения зверя в воде. Двигая им вверх-вниз, бобр перемещается в воде с довольно большой скоростью. Это и опора при подгрызании дерева. Это и орудие тревоги. Громко хлопая хвостом по воде, бобр предупреждает соплеменников об опасности. Резцы у бобра крупные и мощные, ими он может перекусить ствол толщиной 4-5 см. Резцы заменяют бобру и топор, и нож. Ими он «срубает» деревья, сдирает с них кору для поедания. Резцы от работы сильно стачиваются, поэтому они растут в течение всей жизни. Бобр может работать резцами и под водой, губы его устроены так, что не допускают попадания воды в дыхательное горло.

Мех бобра светло-бурой или бурой окраски, состоит из двух видов волос: длинной грубой ости и густого мягкого подшерстка. Ость предохраняет подшерсток от сваливания и вытирания. Бобр тщательно ухаживает за мехом, ре-

гулярно расчесывает его. Для расчесывания служит раздвоенный коготь, имеющийся на каждой задней лапе. Одновременно с расчесыванием бобр смазывает свой мех выделениями сальных желез, что делает его водонепроницаемым.

Питается бобр ветками и корой лиственных деревьев: осины, ивы, березы и других пород. Звери заготавливают корм на зиму, притапливая вблизи жилища ветки и чурки деревьев. Заготовка зимнего корма — важная и трудоемкая работа, которую нужно успеть сделать до ледостава. В сентябре и октябре все ночи напролет бобры валят деревья, разделяют их на чурки, отделяют ветки. Чурки и ветки звери сваливают в воду и доставляют к месту складирования. Первые ветки закрепляются илом, а затем на них наваливаются все новые и новые. Под тяжестью верхних нижние слои веток проседают до дна, и так создается подводный штабель кормовых запасов, чтобы их хватило на долгую сибирскую зиму. Запасы делает каждая семья, объем их у крупных семей достигает 100 и более куб м.

Размножаться бобры начинают на третьем году жизни. Молодые появляются весной, в выводке — 1-3 бобренка. В середине лета они начинают питаться растительным кормом. Бобры живут семьями. В состав семьи, кроме родителей, входит молодняк прошлого года и сеголетки.

Кондо-сосьвинские бобры живут преимущественно в норах, устраиваемых в берегах рек. Вход в нору из-под воды. Каждый год бобры достраивают свои норы, поэтому чем дальше норой пользуются, тем она сложнее. Старые норы могут состоять из целой сети ходов, нескольких гнездовых камер и выходов в воду. Другой тип жилища — хатки встречаются реже. Хатка представляет собой куполообразное сооружение из веток и палок, устраиваемое в воде или на берегу. Вход в хатку также делается из-под воды. Высота хатки достигает человеческого роста и более.

Особенно поражает строительство бобрами плотин. Их сооружают, когда глубина водоема недостаточна для жизни бобров. На постройку плотин идут палки, ветки, коряги. Древесный материал бобры скрепляют илом. Плотины отличаются прочностью, они выдерживают тяжесть лосей и медведей, которые иногда используют их для переправы.

Хотя бобры чутки и осторожны, обладают хорошим слухом и обонянием, но не всегда они избегают зубов хищников. А среди них волк, россомаха, рысь, медведь. Медведь в состоянии разворотить бобровую хатку или нору, чтобы добраться до жертвы. А другие хищники подкарауливают бобров на тропах. Но самый опасный хищник — это браконьер. Браконьерская охота наносит ощутимый ущерб поголовью кондо-сосьвинских бобров.

Но несмотря ни на что бобры уцелели. Уцелели от истребления в давние времена и дожили до организации заповедника. Уцелели и после ликвидации заповедника в трудные годы бурного промышленного освоения кондо-сосьвинской земли. История кондо-сосьвинских бобров драматична и поучительна.

Кондо-сосьвинские обитатели, встречая на своих угодьях колонии бобров, этих рачительных тружеников, естественно, очеловечивали образ бобра. По мансийской легенде родоначальницей бобров была женщина-пряха. К ней плохо относились ее дети, и она ушла от них жить под воду, превратившись в бобра. Платье ее сделалось шкурой, а хвост образовался из ткацкой доски. Ханты считали, что бобры когда-то были людьми, а под водой скрылись от притеснений. Они трудолюбивы, работают артелью на строительстве хаток и плотин, заботятся о детях, изготавливают им игрушки из дерева — фигурки людей и животных. Действительно, деревянные огрызки, находимые у бобровых хаток, часто похожи на творения человеческих рук. По мнению старых охотников, бобры хорошо понимают человеческий язык, догадываются о причинах появления людей в их угодьях. Поэтому, готовясь к охоте на бобров, нужно вести себя тихо, не шуметь, не разговаривать. Всеведение бобров связывается с их чрезвычайной осторожностью и чуткостью. Существует легенда: лебедь прилетел к бобру и предложил жить вместе. Бобр спросил: «Ты слышишь что-нибудь?» Лебедь ответил: «Нет».

А бобр уже явственно слышал плеск весел человека. «Не буду я жить с таким глухим» — сказал бобр и нырнул. А лебедь попал под выстрел подъехавшего охотника.

Видя в бобре зверя особенного, похожего на человека, местные ханты и манси наделяли их сверхъестественными функциями. Так, возможно, и зародился культ бобра: его почитание и обожествление. Бобр считался духом-властелином вод, от благорасположения которого зависит успех рыбной ловли, охоты и вообще вся жизнь местных обитателей, поскольку люди селятся возле рек и озер, т. е. угодий, подвластных бобрам. Веками было усвоено, что бобров нужно ублажать, не тревожить, беречь от плохих людей. Существовали так называемые «святые места» (емынг-тагат, ем-тахе), в которые входили и бобровые речки. В «святых местах» запрещалась не только охота, но и само их посещение. От посторонних людей «святые места» тщательно скрывались.

Культ бобра исчез в тех местах Сибири, где бобры были давно истреблены и сохранился в кондо-сосьвинском краю, где бобры уцелели. По мнению ученых, именно культ бобра и «святые места», эти своеобразные заповедники, и скрываемое их месторасположение способствовали сохранению бобров.

Нужно добавить, что бобров сохраняли не только из-за языческой мифологии, но и как источник «бобровой струи». Струю получали из мешочков, расположенных в паху у бобров. Осторожно вырезаемые у убитых бобров мешочки высушивались в дыму, приобретая коричневый цвет и твердость. Бобровой струе приписывалась чудодейственность, этот продукт имел чрезвычайно высокую ценность, так как употреблялся как магическое средство для окуривания, снимающее всякую скверну. Окуривание бобровой струей очищало от грехов, предохраняло от покушения злых духов. Принимаемая в виде настойки или порошка, она считалась лекарством от всех болезней.

Несмотря на распространенное мнение, что бобры в Западной Сибири повсеместно исчезли уже давно, ходили упорные слухи, что в верховьях Конды и Северной Сосьвы они сохранились. Эти слухи пытался проверить кондинский врач Сенкевич в 1908 г. Однако туземцы прокатили его на лодке по главной бобровой речке Есс так, что он не заметил никаких следов. Местные жители старательно берегли бобров от постороннего глаза. Но слухи не утихали. В 1926 г. Тобольский окрисполком направил окружного охотоведа В. В. Васильева в Северное Зауралье с заданием выяснить экономическое положение местного населения, состояние охотничьей фауны, наметить места для установления заказника. Васильев уважительно относился к обычаям и верованиям местных жителей, чем расположил их к себе. И произошло невероятное чудо: они доверили ему сокровенную тайну, показав речки, где живут бобры. А ведь лет за пятьдесят до этого произошла трагедия. В 1884 г. зоолог И. С. Поляков послал охотников-ханты отца и сына Алексеевых добыть бобра для научной коллекции. Посланцы были убиты, не выполнив задания ученого. Васильев определил примерно численность бобров в 300 голов. Другого ценного пушного зверька — соболя на кондо-сосьвинском водоразделе уцелело всего несколько десятков голов. Васильев пришел к выводу, что для сохранения этих видов необходим заповедник. На основании его материалов Тобольский окрисполком принял решение об организации Северо-Уральского государственного охотничьего заповедника. В 1929 г. он был создан. В 30-х гг. заповедник стал называться Кондо-Сосьвинским. Первый директор заповедника В. В. Васильев работал на этом посту до 1941 г. Благодаря созданию заповедника кондо-сосьвинские бобры были спасены от исчезновения. Сохранением этого вида мы целиком обязаны героическим усилиям Василия Владимировича Васильева, посвятившего проблеме кондо-сосьвинских бобров значительную часть своей трудовой жизни. В заповеднике велось изучение местной популяции бобров. Ради загадочных кондо-сосьвинских бобров в сибирскую глухомань из обжитого Воронежского заповедника приехала З. И. Георгиевская. В 1938 году на должность научного руководителя прибыл зоолог В. Н.

Скалон. Его книга «Речные бобры Северной Азии» до сих пор не потеряла своего научного значения.

Наступил недоброй памяти 1951 год. Кондо-Сосьвинский заповедник наряду со многими другими был ликвидирован. Судьба кондо-сосьвинских бобров вновь оказалась под угрозой. Началось строительство железной дороги Ивдель-Обь для освоения лесных ресурсов Северного Зауралья. Железные рельсы пересекли основные бобровые речки. Бобров стали беспокоить строители и лесорубы, нефтяники и газовики. Участились случаи браконьерской добычи животных. Озабоченные судьбой кондо-сосьвинской популяции бобров, зоологи, охотоведы, другие защитники природы поднимали свой голос за необходимость восстановления Кондо-Сосьвинского заповедника. Но это дело оказалось безнадежным, так как уже всюду шла рубка лесов на его бывшей территории, прокладывались газопроводы, действовала железная дорога. Удалось добиться лишь создания республиканского заказника «Верхне-Кондинский». Но это не решало проблемы сохранения бобров, так как лесозаготовки в местах обитания бобров не прекратились. Наконец, благодаря неустанным усилиям природоохранителей, в 1976 году был учрежден новый заповедник «Малая Сосьва» площадью 93 тыс. га. И хотя площадь заповедника слишком мала и основные бобровые речки остались вне его границ, судьба местной популяции бобров уже не безнадежна. Ее охраняет и изучает коллектив энтузиастов-биологов.

Задача защитников природы — не ослаблять борьбы за расширение границ заповедника, за включение в него бобрового заказника. Уместно напомнить слова борца за отечественное заповедное дело проф. Г. А. Кожевникова, сказанные еще в 1924 г.: «Стыд и позор будет, если мы не уберем уральского бобра».

Кроме экологического, сохранение кондо-сосьвинских бобров имеет еще один аспект — хозяйственно-практический. Местные бобры — наилучший племенной материал для реакклиматизации этого вида в пределах его бывшего распространения в пределах Ханты-Мансийского округа и южной части Ямало-Ненецкого. Они приспособлены к суровым условиям северной тайги, могут употреблять в пищу березу, которой на севере предостаточно.

Кондо-сосьвинские бобры — наше бесценное богатство, которое нужно сохранить и приумножить.



Рис. А. МУХАМЕТОВОЙ.

ПОЛОВОЙ ЛОВ РЫБЫ НЕВОДОМ

Однажды в сентябре, после сенокосной страды отец попросил меня сбегать в летнюю загородь для скота, которая находилась за кладбищем и огородами по правому берегу р. Сайма. На поветях был омет сена прошлогодней заготовки, из него требовалось надергать осоки подлиннее и принести домой.

Осока рыбаками использовалась при обувании бродней — кожаной обуви с длинными, до паха, голенищами. Из нее получались хорошие стельки в бродни, она же накладывалась на портянку, чтобы сохранить в тепле ноги при работе в холодной осенней воде.

Я понял, что отец собирается на рыбалку, стал упрашивать взять с собой и меня. Отец был добр и согласился взять. Велел собираться с вечера и пораньше лечь спать.

На промысел, как всегда, собирались рано поутру на берегу проточки Бардаковки мой отец — Кузнецов Василий Алексеевич, Вергунов Федор Евангелович и Александр Макушин. С ними постоянно были сибирские лайки, которые охраняли рыбацкий стан, отпугивая своим лаем медведей и мелких зверьков.

Наш путь пролегал из Бардаковки по р. Черная и дальше по Оби до устья Тромьюгана, а затем по реке Тромьюган до острова Банный. До него мы добрались поздним вечером, здесь и заночевали.

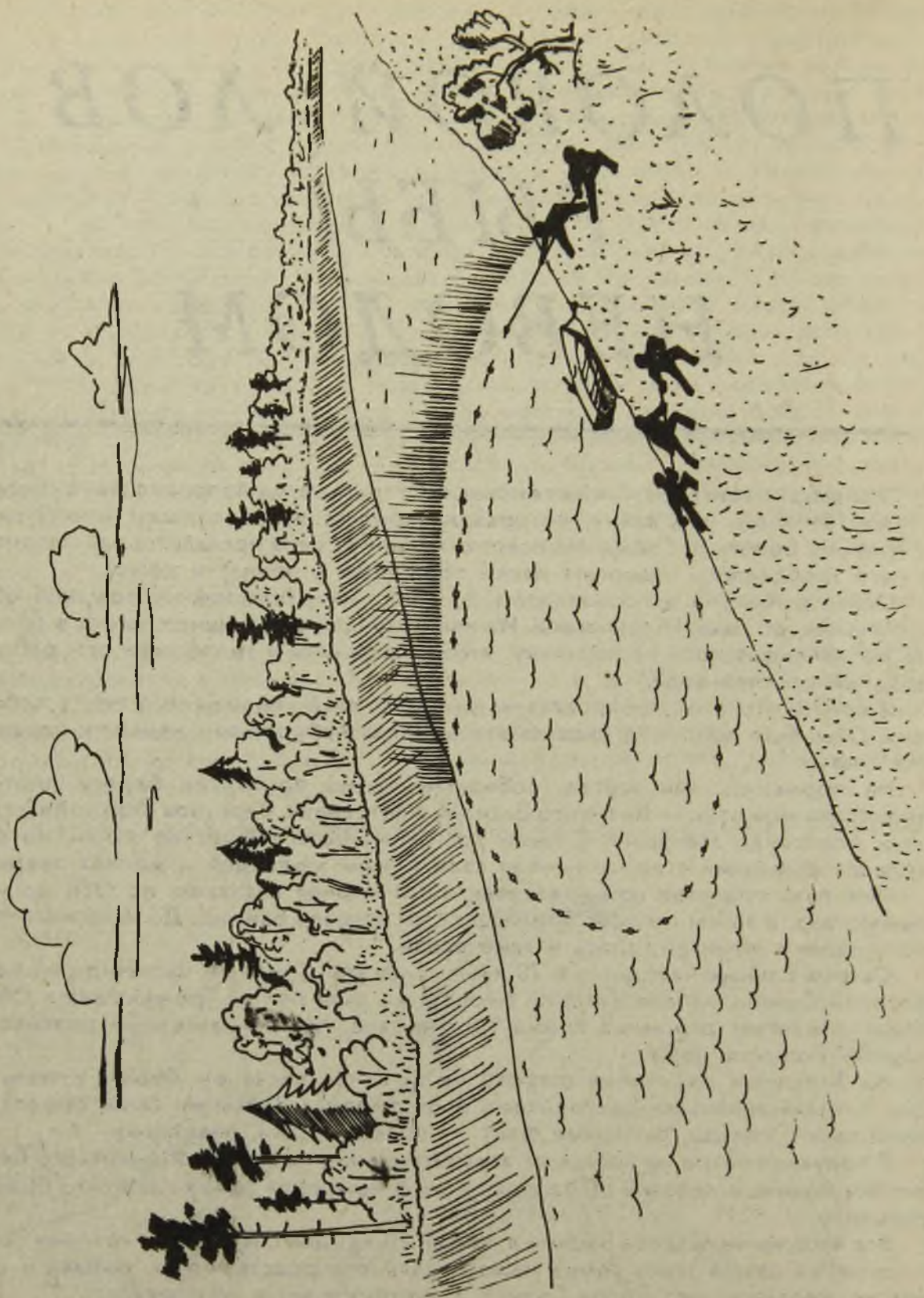
Остров Банный находится в 20 км от Сургута. С юга он частично омывается протокой Санина, начало которой берется из двух рек — Тромьюгана и Оби. С севера прилегает огромная пойма Тромьюгана, где при весеннем разливе образуется большой сор.

На Западном окончании острова на пологом песчаном берегу стояли три избы с хозяйственными постройками и огородами. Здесь же были вешала для сушки сетей, невода, рыбацкий флот — обласа, лодки, неводники.

В полукилометре на восток от этих строений у высокого обрывистого берега протоки Санина в лесочке стоял один дом, в нем жила семья какого-то бывшего ссыльного.

Все население острова Банный в начале 20-х годов состояло из четырех семей. В одном из домов жила семья нашего дальнего родственника, рыбака и охотника — медвежатника Петра Силина, у которого мы и заночевали.

Разговор взрослых длился до поздней ночи, обсуждали во всех деталях предстоящие работы по сооружению «пола». Рано утром следующего дня, взяв необходимое снаряжение и инструменты, во главе уже с Петром Силиным мы



поехали вверх по Тромьюгану к нашему летнему рыбацкому стану, который находился на левом берегу реки.

Из разговора взрослых я понял: предстояла большая и тяжелая работа — подготовка к весенне-летнему половому лову рыбы. Надо было «пол тыкать». Что это такое я понял тогда, когда на следующий день развернулись работы.

В 70 метрах от летнего рыбацкого стана, где стояли жилая избушка и сарай для обработки рыбы, хранения соли, тары и другого имущества, брала свое начало протока Быстрый. В летнее время проезд протокой сокращал путь наполовину. Протяженность протоки примерно 9-10 км., протока прямая, с выходом в р. Тромьюган против острова Банный.

Осенью протока была несудоходной, отдельные участки полностью обсыхали. Левый берег Тромьюгана при входе его в протоку Быстрый был пологим-отмельным и топким, зарос леторостью — полосой густого, тонкого, высокого, до 5-7 метров, тальника.

Этот тальник и служил основным материалом при строительстве полового запора, т. е. перегораживании русла протоки с одного берега до другого. Отлогие берега, ровное дно ниже пола создавали удобства для неводного лова рыбы.

Работали дружно, споро. Подбором и вырубкой тальника занимался Петр Силин. Комель каждой вешки заострялся топором в виде кончика гвоздя для лучшего втыкания в дно протоки. Затем связками по 10-15 штук вешки переносились из леторости по топкому грунту к месту строительства талового запора.

Не менее трудоемким было втыкание вешек вручную в грунт дна. Расстояние между вешками составляло 10-12 см.

Кончалась осень, наступала зима. За зимний период грунт дна протоки глубоко промерзал, от этого укреплялся в грунте тальниковый «пол».

Весной, с наступлением паводка, уровень воды в реках стремительно повышается, вода поднимает ледовый покров, отрывая его от береговой полосы. Образуются забереги с полой водой, заполняются протоки, курьи и поймы. С поступлением в реки талых вод, обогащенных кислородом, прекращаются и зимние заморные явления. Рыба покидает зимние стоянки у ключей и начинает подниматься вверх по рекам, протокам, заходя в залитые водой поймы рек для нагула.

Чем сильнее и дружнее весенний паводок, тем быстрее становится течение рек, проток. Сила течения бывает настолько велика, что врываясь в протоки и встречая на пути препятствие в виде талового пола, вода раскачивает каждую таловую ветку, создавая шум, напоминающий шум водопада.

Косяки рыб, в основном язя, поднимаясь по протоке против течения и встречая на своем пути шумное препятствие, останавливаются перед запором. Постепенно рыба здесь накапливается и наступает время неводного лова. Рыбаки периодически забрасывают невод вдоль стенки пола к противоположному берегу и, округляя косяк рыб, притоняют невод. Выловленную рыбу из невода сачком перегружают в облас, перевозят к стану, там с берега переносят в сарай к месту разделки и засолки стоповым крепким засолом. На этом и основан половой лов рыбы в весенне-летний период.

А. КУЗНЕЦОВ.



В. БАЛИН.

ГОРОД НА ИРТЫШЕ

Вернемся еще раз к планировке и застройке города. Первоначальный проект планировки предусматривал лишь разбивку территории на кварталы, ограниченные со всех сторон улицами. Кварталы центральной части, ограниченные улицами Мира, Ленина, Энгельса и Дзержинского, резервировались под строительство зданий государственных и общественных учреждений, под объекты культуры, торговли и т. д.

23 марта 1932 г. окрисполкомом утверждается отвод водной акватории на Иртыше (выше консервной фабрики) для гидроаэропорта.

Возрастающие потребности в рабочей силе для нужд строительства и зарождающейся промышленности со всей остротой поставили перед окружающими организациями задачу изыскания и привлечения рабочей силы. Прежде всего принимаются меры к созданию кадров рыбной промышленности и консервной фабрики из числа спецпереселенцев. По решению Самаровского райисполкома от 6 октября 1931 г. в 750 метрах от фабрики создается поселок Рыбный, под строительство его отводится площадь в 7,5 га. Позднее этот поселок сливается в Самаровом и в нем организуется не-



Фото Ю. ХОЗЯИНОВА.

Окончание. Начало см. «Югра» № 11, 1992.

уставная сельскохозяйственная артель «На новом пути» в составе 65 хозяйств, перешедшая в 1938 году на Устав сельхозартели.

Недостаток в рабочей силе испытывало и строительство окружного центра. По докладу прораба К. Н. Пайвина нужно было 399 человек, имелось же 200. Не хватало свыше 100 плотников, 50 столяров, 8 печников. Совершенно не было каменщиков, стекольщиков, маляров.

В служебной записке 26 ноября 1931 г. на имя плановой комиссии тов. Розини пишет: «Подработайте вопрос о том, каким путем будет формироваться рабсила для строительства окрцентра. Надо поставить, пожалуй, организацию особого поселка из спецпереселенцев (кто обстраивает, где, какими средствами, каких специальностей). Срок 5 декабря». В ответ на это предложение окрплан вносит проект создания на северной окраине окружного центра поселка строителей в составе 500 семей с отпуском на обустройство поселка 100 тысяч рублей. Комплектуются строительные бригады, которые вместе с семьями размещаются во вновь выстроенных двухквартирных домах за логом от ул. Дзержинского, образуя небольшой поселок в несколько улиц, которому присваивается название «Перековка».

Рост населения окружного центра выдвинул вопрос создания местной продовольственной базы для удовлетворения хотя бы в минимальных размерах потребности населения в молочных продуктах, овощах, картофеле. Оргбюро 30 июня 1931 года выносит решение об организации по линии интегральной кооперации молочноовощного хозяйства. Такое хозяйство, именуемое молочнотоварной фермой (МТФ), создается в 1932 году из 80 семей спецпереселенцев, расселенных в небольшом поселке в четырех километрах от города, на берегу протоки Ходовой. В порядке землеустройства в 1934 году МТФ отводится свыше 1000 га сельхозугодий. Вскоре это хозяйство стало представлять городу — в первую оче-

редь, детским и медицинским учреждениям — молочные и овощные продукты, картофель.

Для оказания практической помощи колхозам и пропаганды сельскохозяйственных знаний в 1933 году по постановлению СНК и НКЗ РСФСР в окружном центре создается первое научное учреждение — комплексный сельскохозяйственный опорный пункт Наркомзема РСФСР. В нагорной части с. Самарово пункту отводится земельный участок площадью 60 гектаров. Здесь быстрыми темпами строится контора дирекции с лабораториями, теплицы, служебные и жилые помещения. Осваиваются земли под опытные площади открытого и закрытого грунта. Впервые проводятся опыты по выращиванию различных сельскохозяйственных культур, селекции ячменя и картофеля, разрабатываются приемы агротехники в условиях средней полосы округа. Здесь же создается питомник плодово-ягодных растений. Для ведения опытного животноводческого хозяйства пункту отводятся за Иртышом луговые пойменные земли — свыше 900 гектаров. Большую внедренческую работу опорный пункт проводит в колхозах Самаровского, а затем и других районов округа.

Организатором и руководителем пункта был агроном Дмитрий Евлампиевич Перовский, первыми научными работниками — агрономы Виктор Максимович Шувалов, Ариадна Николаевна Голяновская, Дора Васильевна Семенова, зоотехник Федор Васильевич Вашкевич и др. специалисты, проработавшие здесь многие годы и оставившие о себе среди колхозников и работников сельского хозяйства хорошую память.

Большую роль в становлении и развитии сельского хозяйства сыграла окружная одногодичная колхозная школа, организованная в 1936 году, позднее преобразованная в сельскохозяйственную. Школа готовила счетоводов, бригадиров полеводства, животноводства, ветфельдшеров для обоих национальных округов.

Все больше расширяется строительная площадка окружного центра. По-

луколько некогда дремучего леса отступает все дальше и дальше, открывая новые кварталы, улицы, площади. В течение 1932—35 г.г. построены здания Дома Союзов, кинотеатра, поликлиники, больницы, сберкассы, госбанка, окрконторы связи, ветлечебницы, леспромхоза и т. д. Широко разворачивается социально-культурное и бытовое строительство. Сдаются в эксплуатацию новые здания педагогического училища (1933 г.), средней школы № 1 (1934 г.), совпартшколы (1934 г.), медицинского училища (1934 г.), правления рыбкоопы с универмагом, хлебобеканери, ряда магазинов рыбкоопы и ОРСа леспромхоза, бани и электростанции в деревянном исполнении.

К 5 декабря 1934г. — дню открытия второго окружного съезда Советов — дала первый ток местная электростанция. В мае 1935 г. на площади между Домом Советов и Домом туземца был заложен сквер. Землеустроителем горкомхоза И. М. Бухваловым определены его границы, размечены аллеи, а в дни субботника молодежью и трудящимися города выкорчеваны пни, посажены деревья, заложены газоны, цветные клумбы. Теперь это сад с аллеями высоких стройных берез.

Летом 1936 года начались капитальные работы по сооружению грунтовой и шоссейной дороги от поселка до Самарово вместо существовавшей лесной тропы. Спрямылась и расширялась трасса, выравнивалось полотно дороги. Все земельные работы производились, главным образом, вручную. В течение летних месяцев 1936 и 1937 г.г. дорога была приведена в проезжее состояние для конного транспорта и немногих автомашин, только что появившихся на улицах поселка. С сооружением дороги началась усиленная застройка обеих ее сторон преимущественно домами частных владельцев. Так появилась еще одна улица — Остяко-Вогульская (теперь ул. Гагарина) протяженностью в пять километров. Теперь эта улица неузнаваема. Мелкие строения вытесняются двухэтажными деревянными и каменными зданиями.

Работы по улучшению дороги были продолжены и в последующие годы, что диктовалось появлением большого количества автомашин. В этом деле активное участие приняли не только организации и жители города, но и колхозники Самаровского района. Дорога была закончена лишь в 1940 году. Однако в последующие годы, с развитием пассажирского и грузового транспорта, эта дорога не стала удовлетворять требованиям города, особенно в периоды распутицы, когда она становилась совершенно непроезжей. И только в послевоенные годы (1947—49 г.г.) удалось покрыть ее гравием, а полностью заасфальтировать — лишь в 1952—1962 г.г.

Одновременно ведется большое строительство и в Самарово. Строятся здания Клуба рыбаков (1931 г.), народного суда (в нагорной части), средней и восьмилетней школы, детского санатория у ручья «Студеный лог», ряд административных и жилых домов рыбоконсервного комбината и райрыболовпотребсоюза. Вместо старых, покосившихся домов в центре Самарово возникает центральная площадь, постепенно благоустраиваются грязные, иногда совершенно непроезжие улицы, прокладываются тротуары, обсаживаются палисадники.

Реконструируется рыбоконсервная фабрика, в ней вводятся новые цеха по переработке рыбы, усиливается оснащенность их, что значительно увеличивает мощность фабрики. Улучшается пристанское хозяйство, расширяется площадь складских помещений. На территории между консервной фабрикой и поселком Рыбным строится здание гидроаэропорта. Одновременно устраивается временный зимний аэропорт за Иртышом. Вводится летнее авиасообщение на гидросамолетах. В 1938 году появляется возможность для радиотелефонных переговоров с районными центрами округа и с центром области — Омском. Окрконтора связи получает мощные почтовые катера для связи с отдаленными пунктами округа.

Так завершался десятилетний довоенный период жизни города Ханты-Мансийска.

Ф. ЛАРИОНОВ

Еще год на Севере (1920—1921)

В 1914 году я был перемещен из Березова на юг, в Тюмень, и после того, как проработал здесь 6 лет в должности заведующего высшим начальным училищем, был назначен органами Советской власти опять на тот же север, но уже в качестве губернского инструктора школ нацмен (т. е. национальных меньшинств). А так, как таких школ в то время на севере почти не было, то выходило, что я должен был занять ведущее положение в деле создания национальной письменности и национальной школы для главной народности Северо-Западной Сибири — остяков (ханты), разбросанной на огромной территории округов Тобольской губернии — Березовского и Сургутского. Задача в высшей степени интересная и увлекательная, но в то же время невероятно трудная. Конечно, такая задача могла быть решена только в результате работы многих лиц и организаций и причем в течение ряда лет, я же мог лишь попытаться нащупать пути для ее решения.

Просвещением остяков и распространением среди них грамотности занимались до сих пор, обдорские священники и миссионеры, которые, преследуя чисто церковные задачи, занимались прежде всего переводом на остяцкий язык молитв, церков-

ных песнопений и священной истории, имея в виду конечную цель — насаждение на севере церковно-приходских школ. При этом церковники, как правило, сами не изучали остяцкий язык и во всем должны были полагаться на русских переводчиков из числа обдорских жителей, имевших деловые связи с местными остяками и поэтому знакомых только с обдорским наречием остяцкого языка. Для них не существовало вопроса о том, сколько имеется наречий в остяцком языке и какое из них надо признать основным, центральным, наиболее распространенным и, следовательно, заслуживающим того, чтобы быть положенным в основу будущего литературного языка остяков. Нужно сказать, что в общей литературе не было исследований финно-угорских языков вообще и остяцкого в частности; их можно было найти у финляндцев и венгров. Но исследования иностранных лингвистов, как Кастрен или Папай, не были переведены на русский язык и продолжали оставаться недоступными для культурных работников, занимавшихся вопросами распространения просвещения среди остяков.

Главными местами своего пребывания на севере я избрал Березов и Обдорск, т. е. те пункты, с которы-

Автор публикуемого фрагмента из трехтомной «Семейной хроники» Федор Филиппович Ларионов в конце прошлого века окончил Омскую учительскую семинарию, после чего почти полтора десятка лет проработал в Березове учителем уездного училища, а затем — его инспектором. Многие сделал для развития культуры северного городка, оставил в учениках благодарную память о себе на долгие годы.

ми я был лучше знаком по прежней своей службе. Я считал, что мне необходимо прежде всего познакомиться с каким-нибудь одним наречием, проще всего с березовским. Так как мне не было отпущено средств на наем переводчика, то я занимался изучением остяцкого языка с людьми, которые, при хорошем знании его, соглашались помогать мне в этом деле безвозмездно или довольствовались самой незначительной платой. Так, в Обдорске мне оказал значительную помощь местный рыбопромышленник А. С. Протопопов, про которого говорили, что когда он изъясняется по-остяцки, то трудно бывает сказать, кто это говорит — русский или природный остяк.

В Березове я много работал с инвалидом Иваном, вогулом по происхождению, хорошо знавшим не только свой родной вогульский язык, но и березовское наречие остяцкого языка.

Записывая отдельные слова и связанные фразы, я стремился составить представление о грамматике языка, о формах склонения и спряжения и т. п. Тут я мог скоро заметить, что в остяцком языке, кроме форм единственного и множественного числа, продолжает жить двойное число, которое было свойственно когда-то и древнерусскому языку. Почти все русские люди, живущие в низовом крае, знают остяцкий язык настолько, что могут бойко объясняться на нем, однако же почти никто из них не соблюдает двойственного числа, заменяя его множественным. Я был очень рад, что в числе моих учителей был Иван, который безукоризненно соблюдал указанную форму склоняемых и спрягаемых частей речи. От отдельных фраз я перешел потом к переводам на остяцкий язык целых произведений в виде маленьких рассказов и сказок. Самым крупным произведением была сказка Пушкина «О рыбаке и рыбке». Затруднения при переводе происходили в тех случаях, когда в остяцком языке отсутствовали соответствующие слова или целые выражения, например, в указанной сказке мой переводчик Иван испытал затруднение при переводе выражения

«с кирпичной белой трубой», другие знатоки остяцкого языка из числа местных рыбаков слушали наш перевод без возражений, видимо, находя его понятным и вообще доброкачественным.

Наконец, я однажды спросил Ивана, не знает ли он какой-нибудь остяцкой сказки и не может ли рассказать мне ее так, чтобы я ее смог записать. После некоторого раздумья он сообщил, что знает одну такую сказку, тогда я попросил немедленно приступить к делу. Обнаруживая явное волнение, которое испытывает человек при исполнении важного, почти священного дела, Иван, соблюдая необходимые интервалы между отдельными частями, рассказал мне сказку, совершенно не прибегая к русскому языку, которую я полностью понял и дословно записал.

После этого я мог считать себя достаточно подготовленным для объезда всего подведомственного мне района. Задачи, которые я при этом ставил перед собой, заключались не только в том, чтобы познакомиться с наречиями остяков, но и в том, чтобы в некоторой степени изучить формы их труда и быта. Нужно сказать, что с вопросами последнего рода я был отчасти знаком из книг, которые нашел в библиотеке миссионера Иринарха.

Зимой 1920—1921 г.г. я проехал громадное расстояние сначала на юг из Березова в с. Самаровское (Ханты-Мансийск), а затем на запад через Сургут до села Александровское.

Хозяйственная разруха, установившаяся в стране вследствие гражданской войны, коснулась и северных округов бывшей Тобольской губернии — Березовского и Сургутского. Везде сказывалась нехватка самых обыкновенных и ходких товаров и продуктов, как мануфактура, мука, сахар, соль, спички, иголки, гребни и т. п. Поэтому я все время возил с собой муку и хлеб. Все это приходилось расходовать крайне бережно и пускать в оборот только в самых необходимых случаях, иногда в виде обменного фонда, так как деньги почти не имели никакой цены. Вместо спичек

остяки стали применять уже давно оставленное и полузабытое огниво и поэтому повысилась обменная стоимость кремня. кусочки которого. подаренные мне в Обдорске, я долгое время возил с собой.

Из Березова я выехал при таком снабжении съестными припасами: кроме печеного хлеба и муки. у меня был мешочек с пельменями. Но пельмени из щуки при продолжительном хранении на морозе так заветрели, что превратились в твердые, лишенные всякого вкуса, почти несъедобные кусочки. Сидевшие на местах жители питались в общем сносно. но проезжим людям приходилось временами туго, и поэтому мои мысли при этой продолжительной поездке большею частью вращались около вопроса об еде. Больше всего запомнились те места остановок, где удалось хорошо поесть. К числу таких пунктов относятся юрты Карымкарские к югу от Кондинска. Здесь я побывал в остяцкой школе. Учительница не говорила по-остяцки. Ученицы девочки не понимали по-русски. но мальчики в той или иной степени владели русским языком и могли служить переводчиками; поэтому уроки у ласковой учительницы, умевшей возбудить доверие детей, проходили довольно оживленно. Благодаря заботам той же учительницы мне удалось здесь раза два пообедать. Она же дала мне возможность пронаблюдать однажды вечером танцы и маскирования остяков.

При переезде из долины Иртыша в долину Оби дорога шла сначала хвойным лесом, после чего предстояло пересечь огромный сор. Хозяин станции убеждал меня переночевать, ссылаясь на такие трудности переезда, как огромное безлесное пространство сора, приближение длинной зимней ночи и опасность сбиться с пути, в особенности, если поднимется ветер. Опасения хозяина мне показались преувеличенными и я настоял на том, чтобы немедленно запрягли лошадей. На передние сани сел мальчик-ямщик, средняя лошадь была запряжена в сани с ящиком мануфактуры, которую я вез для сургутских уче-

ников, на задние сани сел я с небольшим ящиком, в котором у меня хранились разные мелкие вещи, книги, дневник-отчет, записные книжки и прочее.

Мы двинулись в путь; сначала шло все хорошо. Но вскоре наступила ночь; берег сора скрылся из глаз, не было видно ни деревьев, ни кустарников. Кругом расстилалась слабо видимая однообразная равнина. Ветер усилился и стал заметать слабо накатанную узкую дорогу. Кое-где в понижениях она совершенно не была заметна, и здесь возникала опасность потерять направление. Мальчик-ямщик перестал управлять лошадью и, привязав вожжи к саням, предоставил ей полную возможность самой отыскивать дорогу. Так продолжалось довольно долго. Но вот справа показался крутой склон берега реки — значит сор окончился, и самая трудная часть пути благополучно пройдена. Мальчик взялся за вожжи и стал управлять лошадью. Скоро мы были на станции.

Утром, вознаградив хозяйку за труды тремя спичками и кусочком спичечной коробки для зажигания, я продолжал свой путь.

В Сургуте тоже не было остяцких школ. Я несколько раз побывал в отделе народного образования и передал в его распоряжение привезенную мной мануфактуру.

Здесь я нашел хорошего переводчика, при помощи которого довольно изрядно познакомился с сургутским наречием остяцкого языка. При этом я мог убедиться, что сургутское наречие настолько отличается от березово-обдорского, что остяки этих краев едва ли могут непосредственно объясняться друг с другом разве только при помощи русского языка.

Теперь я мог уже высказать более или менее обоснованные заключения о наречиях обских остяков. По моим представлениям, их было три: северо-обское, или березово-обдорское, средне-обское, или карымкарское и, наконец, сургутское. Какое же наречие нужно признать главным, чтобы на его базе построить литературный остяцкий

язык?

Поездка из Сургута до с. Александровского мне ничего не прибавила для решения этого вопроса. Однако же я стал склоняться к мысли, что основным наречием остяцкого языка следует признать карымкарское (средне-обское). Основанием для этого были такие соображения: 1) в этой части края находится несколько более или менее крупных остяцких селений, как Леуши, Малый Атлым, Большой Атлым, Карымкары. Такой сгусток остяцкого населения в этой части обского края, вероятно, объясняется тем, что здесь имеется верный источник существования в виде рыбы, которая скапливается здесь зимой в речках с живой водой; 2) можно думать, что здесь находится край наиболее древней культуры и наиболее разработанного наречия остяцкого языка; 3) в очень близком отношении к средне-обскому наречию стоит наречие казымских остяков; 4) сургутское наречие стоит ближе к средне-обскому наречию, чем к северному березово-обдорскому. На центральное положение средне-обского края указывает также существование здесь идолов (капищ), почитание которых, по свидетельству Н. А. Абрамова, было широко распространено по всему остяцкому краю.

На обратном пути я увидел, что карымкарская учительница почему-то оставила это село и переехала в Березов. Тогда я остановился в Карымкарах и здесь сделался учителем в опустевшей школе. Березов командировал в помощь мне одного молодого учителя Плеханова Илью Петровича. Ребята сначала дичились нас, но потом стали довольно исправно посещать школу. Среди учащихся были двое из Казыма, живших здесь в общепитии. Разговаривая с ними, я мог убедиться, что казымское наречие очень близко к средне-обскому, иначе карымкарскому. Со слов этих ребят я записал две детские остяцкие сказки, которые они слышали от отца.

Как бы в награду за свое долготерпение, я получил возможность начать здесь запись длинной сказки, которую в течение нескольких ве-

черов диктовал мне остяк Григорьев. Памятливость его по отношению сказок была так велика, что он продиктовал мне и те фразы, которые были сказаны его предшественником и, очевидно, передавались из поколения в поколение на каком-то другом, непонятном самому Григорьеву, языке. Я записал и эти формулы, но отметил волнистой чертой, что перевести их не в состоянии.

Каникулярное время застало меня в Обдорске. Здесь отдел народного образования предписал учителям устроить для себя курсы в оригинальной обстановке, благодаря которой они получили название самокурсов. Так как приезжих лекторов не было, то учителя, в том числе и я, должны были сами поочередно читать лекции и проводить практические занятия на те темы, которые они сами себе избрали. Я прочитал лекцию об остяцком языке и его наречиях и как будто возбудил общий интерес. Вообще же занятия на самокурсах проходили крайне вяло и едва ли были полезны.

Неожиданно из окружного центра пришло телеграфное распоряжение переехать мне из Обдорска в Березов, и занять должность заведующего окружным отделом народного образования. Этого еще недоставало, чтобы на административной должности, к которой я не чувствовал ни малейшего расположения, задержали меня здесь на год или два, когда я всей душой стремился в Тюмень, к семье, и где мне хотелось заняться обработкой собранных материалов! Но меня не отпускали. Наконец, губернский центр внял моим мольбам и освободил меня от службы в Березове.

К началу августа 1921 года я был дома, привезя с собой драгоценные полпуда муки, которые получил в Березове почти год тому назад и все время возил с собой; привез я также оленью шкуру и стеженое одеяло, которые, можно сказать, сохранили мне жизнь во время скитаний по северу. Все это могло послужить мне фондом для обоснования в Тюмени, по крайней мере, на первых порах.

ДЕКАБРИСТЫ И СИБИРСКИЕ УЧИТЕЛЯ

Широко известно, сколь живое участие принимали бывшие на поселении в Сибири декабристы в деле народного просвещения. Тобольская губерния не была в этом отношении исключением. В литературе и архивных фондах есть немало свидетельств контактов «государственных преступников» как с местными учителями, так и с другими сибиряками, имевшими духовные интересы и желание какими-либо способами, содействовать распространению грамотности. Вряд ли была сколько-нибудь значительная фигура, выпавшая из их поля зрения.

Контакты эти были не только многочисленными, но и разнообразными, как и их побудительные причины. Прибывшие на места поселения и разбросанные по губернии декабристы искали и находили среди местных жителей доброжелательно расположенных к ним людей, с чьей помощью и выходили из изоляции, налаживали нелегальную переписку, восстанавливали разорванные связи.

В. Н. Блоцкий в книге «Декабристы в Ялуторовске» пишет: «Но если декабристам встречались молодые честные чиновники, то они всячески опекали и поддерживали таких. В Ялуторовске ими оказались учителя А. Л. Жилин и К. М. Голодников... На А. Л. Жилина был даже сделан донос губернатору, что тот находится в тесных связях с «государственными преступниками» и способствует их переписке». Поддержка эта не означала простого сочувствия или одобрения, декабристы содействовали развитию молодых сил и способностей, старались помочь их наилучшему приложению, продвижению по службе своих подопечных.

Иногда сближение было настолько тесным, что декабристы и местные учителя становились единомышленниками. В марте 1850 г. И. И. Пущин писал из Ялуторовска П. Н. Свистуну: «Если вы с Александром Ивановичем не прислали

вашего пая за Дмитрия Александровича, то пришлите... Благодарите Александра за присланные им деньги. Надобно бедного Щепина нынешний год побольше поддержать — ему было много хлопот со следствиями». Речь шла о денежной помощи поселенному в Кургане их товарищу Д. А. Щепину-Ростовскому, а упоминаемый в письме Александр Иванович — это смотритель Курганского уездного училища А. И. Дуранов.

И. Д. Якушкин и его друзья, организовавшие в Ялуторовске училище для мальчиков в 1842 г. и для девочек в 1846 г., сумели даже воспитать из своих учеников нескольких учителей (А. Созонович, А. Балакшина и другие). Однако с некоторыми лицами, представлявшими официальное просвещение, у того же Якушкина, который определял содержание учебного процесса и имел свои педагогические принципы, возникали на этой почве сложные, порой конфликтные отношения. В литературе они часто представлены в черно-белом освещении — как результат столкновения передового российского интеллигента и революционера с консервативным и недалеким царским чиновником. В том, что все не так просто, можно убедиться на примере взаимоотношений между Якушкиным и смотрителем народных училищ Н. А. Абрамовым, известным и ныне как образованный человек с широкими интересами, один из первых краеведов Западной Сибири, чьи труды читаются и в наше время и используются в современных исторических исследованиях. Объективно они были союзниками, т. е. действовали в одном направлении — просвещали народ. Но государство поставило их на противоположные полюса (один — преступник, отбывающий наказание, другой — официальное лицо). Это, очевидно, и есть главная причина резких колебаний температуры их отношений, внезапной смены теплоты холодом и разрывом всех связей.

Цель этих заметок — дать документальные свидетельства связей между декабристами и учителями Тобольской губернии и краткие биографические сведения о некоторых из учителей, почерпнутые в фондах Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области и литературных источниках.

Убедительным дополнением к приведенным выше строкам из книги В. Н. Блоцких, где упоминается К. М. Голодников, будет письмо И. И. Пущина, отправленное из Тобольска И. Д. Якушкину в октябре 1842 г. В нем сообщается: «О Голодникове обещают: надеюсь, что его утвердят, но тогда буду уверен, когда увижу исполнение. Здесь как-то довольно равнодушны ко всем рекомендациям и все не очень хлопочут о честности или не совсем ей верят, потому что сами большею частью не отыскивают в себе этого органа. Опять и в этом отношении тоска».

Тот, о ком идет речь, — юный учитель русского языка Ялуторовского уездного училища родом из обер-офицерских детей, вступивший на педагогическое поприще в 17 лет после окончания Тобольской гимназии.

В мае 1846 г. по распоряжению начальства (и, как можно догадываться, по своему желанию) Голодников был уволен из учебного ведомства и определен заседателем в Курганский окружной суд. Не об этом ли предстоящем перемещении говорится в цитируемом письме!

Позднее, в зрелые свои годы, К. М. Голодников опубликует две работы: «Декабристы в Тобольской губернии» и «Государственные и политические преступления в Ялуторовске и Кургане».

Тот же Иван Дмитриевич Якушкин в одном из писем в Тобольск к М. А. Фонвизину просил оказать содействие молодому человеку, «в котором нельзя не принимать участия, зная его хоть сколько-нибудь». Речь шла об Александре Львовиче Жилине, с 1836 г. служившем (после окончания Тобольской гимназии) учителем арифметики и геометрии в Ялуторовском уездном училище.

Увидеть, сколь симпатичен был этот юноша, нам поможет художник М. С. Знаменский, который в своих воспоминаниях «Детство среди декабристов» описывает один инцидент, произошедший между ялуторовской колонией декабристов

и городничим Власовым. Разгоряченный столкновением, Якушкин шагал по загородной роще, обдумывая, как бы дать знать о случившемся тобольским друзьям. И тут неожиданно пришло решение. Опуская некоторые подробности, приводим рассказ Знаменского:

«Послышался хруст ветвей под лошадиными копытами и веселое посвистывание. Якушкин насторожился и стал пристально вглядываться через кусты тальника. В фигуре всадника Якушкин узнал близкого знакомого Александра Львовича Жилина, молодого учителя уездного училища. О нем давно уже поговаривали в городе, что он частенько ездит к своей возлюбленной за 160 верст.

...И Якушкин рассказал об обыске и домашнем аресте.

— Съездите, голубчик, в Тобольск, свезите мое письмо Фонвизину.

— С превеликим усердием, — ответил Жилин, — но научите, как же быть с моей службой, с уроками!..

— Идите к смотрителю Лукину, разбудите его, сочините что-либо, возьмите отпуск на три дня. Поскорее собирайтесь и заезжайте ко мне за письмами и за прогонами.

...Переодевшись в халат и вязаные туфли, Якушкин подвинул к столу складной табурет и принялся за письма. Перо быстро бегало по бумаге, листок за листком отбрасывался в сторону. Свеча догорала... У ворот послышался топот лошадей и дребезжанье тележки. Стукнул капиткой широко шагающий Жилин, прозванный в городе «Журавлем», Якушкин предложил ему трубку, поторопился закончить и запечатать письмо; вручил ему расходы весь имеющийся в наличности капитал и молча, с признательностью, горячо обнял Жилина[...].

В конце 1843 г. А. Л. Жилин по распоряжению генерал-губернатора был определен к исправлению должности ассесора Тобольской губернской строительной комиссии — вероятно, по ходатайству ялуторовских декабристов и при содействии влиятельных в губернии супругов Фонвизинных и других декабристов, бывших на службе в губернском правлении. В новой должности Жилин содействовал утверждению проекта здания женской школы в Ялуторовске, организованной И. Д. Якушкиным и священником С. Я. Знаменским.

Декабристская переписка дает немало свидетельств того, что Жилина в этом кругу любили. Например, В. И. Штейнгейль в апреле 1855 г. пишет И. И. Пущину: «...первый есть сынок мой Петр Павл[ович] Ершов, затем Алекс[андр]

Львович Жилин, которого люблю и уважаю...».

И было за что. При своем добром характере Жилин был еще и одаренным человеком. Он хорошо рисовал. И. И. Пущин в начале 1843 г. писал И. Д. Якушкину из Туринска: «Не очень понимаю, зачем ему наши рисунки тюремные, но готов их привезти, чтобы Алекс(андр) Львович снял копии, с чего захочет».

Доктор исторических наук П. И. Рощевский, описывая в книге «Воспитанник декабристов художник М. С. Знаменский» групповой портрет «Музыкальный вечер у Муравьевых», среди изображенных на нем музыкантов называет «учителя Жилина».

И последний штрих к портрету А. Л. Жилина. В. Н. Блоцкий в упомянутой выше книге сообщает, что в 1859 г., уже после возвращения декабристов из Сибири в Россию, он открыл в Тобольске публичную библиотеку.

В ноябре 1841 г. И. И. Пущин писал из Туринска в Тобольск Наталье Дмитриевне Фонвизиной: «Спасибо вам за ответ о Сутормине — он исправно занимается русской грамматикой, явится со временем пред Коньком-Горбунком...». Под «Коньком-Горбунком» разумеется, конечно, П. П. Ершов, а Сутормин — молодой учитель Туринского приходского училища. Вышедший из «податного звания», он оказался способным человеком, и Пущин помогал ему подготовиться к экзамену на звание учителя старших классов. Менее года спустя Николай Яковлевич Сутормин был переведен в Тобольское Благовещенское приходское училище. В его формулярном списке чьей-то начальственной рукой помечено, что он к службе способен и повышения в чине достоин.

В том же Туринском приходском училище работал и еще один молодой человек, на которого обратили внимание декабристы — Александр Иванович Сатыгин. Любопытно то, что он был, возможно, первым учителем из народа манси. В его формулярном списке помечено: «сын вогульского князца», «у родителей в селе Сатыгинском деревянный дом». Окончив на средства отца Тобольскую гимназию, Александр Иванович был определен учителем истории и географии в Туринское приходское училище, через два года переведен в уездное училище, а в начале 1842 г. — в Тобольское уездное училище. Ве-

роятно, что и к этим перемещениям причастны декабристы, в первую очередь, находившийся в это время в Туринске И. И. Пущин. Способной и благомыслящей молодежи они старались открывать дорогу. А то, что выбор был верным, подтверждает запись в личном деле Сатыгина, сделанная в 1844 г.: «При посещении господина управляющего губернией за усердие к обязанности изъявлена благодарность».

Последнюю из этой серии коротких заметок начну также с цитирования декабристских писем.

М. А. Назимов — И. Ф. Фохту, 7 апреля 1838 г.: «Александра Гавриловича попроси уведомить меня об успехах его перевода. Я слышал, что министр был очень доволен трудом его и приказал печатать на казенный счет в пользу переводчика. Радуюсь душевно успеху доброго и старательного этого юноши».

Это письмо Михаил Александрович Назимов писал в Курган с Кавказа, куда был переведен вместе с несколькими товарищами рядовым в действующую армию. А почти в это же время, всего четырьмя днями позже, А. Ф. Бриген сообщает из Кургана на Кавказ М. М. Нарышкину: «Соболевские и Александр Гаврилович свидетельствуют вам почтение, Александр Гаврилович жених, он женится на Татьяне Андрюковой, в непродолжительном времени должна быть их свадьба».

Юноша, столь много места занявший в мыслях этих людей, — учитель Курганского уездного училища А. Г. Худяков, по происхождению мещанин, выпускник все той же Тобольской гимназии, бывшей в то время, видимо, основным поставщиком учительских кадров губернии. С помощью Александра Федоровича Бригена, известного своими мастерскими переводами в сибирский период жизни, Худяков перевел книгу Ж. Дежердано «Нормальный курс для первоначальных наставников, или Руководство к физическому, нравственному и умственному воспитанию в первоначальных школах».

После завершения учебы А. Г. Худяков работал в Тобольске, Кургане, Тюмени, снова в Кургане, преподавал черчение и рисование, арифметику и геометрию, в 1839 г. заслужил благодарность за усердную службу от министра народного просвещения. В 1842 г. он был повышен в должности — определен штатным смотрителем ишимских училищ, где работал так же плодотворно и, причем, не только на ниве просвещения.

В 1848 году он провел этнографические исследования, за которые получил благодарность от Русского Географического Общества.

А. Г. Худяков был, видимо, педагогом «от бога», если сумел воспитать духовного наследника из своего собственного сына. Иван Александрович Худяков (1842—1876) с золотой медалью окончил Тобольскую гимназию, учился в Казанском и Московском университетах. В студенческие годы он увлекся фольклористикой и в 18 лет выпустил свою первую книгу «Сборник великорусских народных исторических песен».

Прожив короткую жизнь, Иван Александрович многое успел как ученый, просветитель и революционер. Его «Самоучитель для начинающих обучаться гра-

моте» А. И. Герцен назвал «превосходно составленным учебником». И разве мы не вправе усмотреть в результатах его духовного труда плодов от древа познания и добра, посаженного в Сибири декабристами!

Подлинная картина общественной жизни декабристов в той ее части, которая очерчена рамками этих беглых заметок, конечно же, намного богаче. И постепенное воссоздание ее в новых подробностях могло бы многих заинтересовать, ведь тема передачи духовного опыта от поколения к поколению — вечна. А если это так, то требуется продолжение поиска.

Деятели прошлого

ПРЕДАННЫЙ ВЕЧНОСТИ

Ю. НАДТОЧИЙ, писатель.

В 1992 году исполнилось триста пятьдесят лет со дня рождения сибирского энциклопедиста Семена Ульяновича Ремезова.

Даже учитывая всю многограннейшую деятельность великого сибиряка — картографа, этнографа, географа, художника, архитектора, строителя, летописца, историка, поэта, — имеет ли право современный автор назвать его энциклопедистом?

Тем более, что и энциклопедисты у нас известны разве что французские, те самые «просветители-рационалисты», идейно подготовившие Великую французскую революцию, открывшую свободную дорогу торжествующему буржуа.

Буржуазная Европа полной мерой оценила своих «просветителей», родимое отечество имело тенденцию потихонечку забывать просвещающих. Что, впрочем, замечено еще гениальным Ломоносовым:

«Всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но

только вину полагать должно на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности».

Преодолевая этот «наш недостаток», столь привычный, что его можно назвать и «особенностью», о которой Пушкин говорил, что «мы ленивы и нелюбопытны», а Карамзин объяснял, возможно, точнее, «излишним смирением», будем считать, не имея возможности охватить действительно неохватную деятельность С. У. Ремезова, что только одни его картографические работы уже являются первой подробной сибирской исторической энциклопедией. Если учитывать поразительную малую (до сих пор) «историческую освоенность» Сибири, картографические работы Ремезова (и сегодня) интересны не только как «первые» карты вообще, это такой документ, который и устарев в частностях, не может не являться наиболее объективным временным свидетелем. Как писал исследователь жизни С. У. Ремезова современный ученый Л. А. Гольденберг: «Лишь картам присуща наглядность пространственных соотношений различных явлений и объектов. Особая ценность этих источников заключается в том, что с их помощью можно проследить пространственное размещение исторических процессов и явлений с такой точностью, с какой нельзя передать их ни в одном описании».

В конце XVII-го начале XVIII-го столетия, когда жил и работал С. У. Ремезов, выражались энергичней и короче:

«История без ведения географического есть как бы с завязанными глазами по улицам ходить».

Поэтому:

«Недаром приходится говорить о влиянии невежества в географии на историю народов». (Азиатский вестник, 1826 год.)

И опять из размышлений Л. А. Гольденберга:

«Географическая среда — сфера, где сталкивается история и природа».

Обозримая, для нас, история Сибири начинается с освоения ее русскими первопроходцами. Нация, как никакая иная преодолевающая природную среду, расширяющая свою политическую и экономическую географию, формировала для себя новую историю, достойное геоисторическое место среди иных народов. Присоединение Сибири навсегда определило великую судьбу и великое название России. Российское долгожительство запрятано в Сибири, и пока у России будет Сибирь, будет и Россия.

В 1698 году Семен Ульянович Ремезов, уже известный в Москве и Сибири «изограф», будет иметь полное право утверждать: «вся же наша преславная Сибирь... не знаемая была... и не описана до нынешнего лета. Ныне же является нам всячески открытой».

Вспомним, что начало похода Ермака за Урал датируется 1582 годом. Следовательно, чуть более чем через сто лет, Сибирь явилась миру не только «всячески открытой», но и описанной.

XVII-ый век был для России — веком величайших географических открытий. Практически, за жизнь одного поколения (за шестьдесят лет), русские прошли от Урала до берегов Тихого океана. И не просто как землепроходцы-путешественники, но как землестроители, оставляющие за собой города и пашни. И еще, отправляя в сибирскую столицу Тобольск, в далекую Москву, в Сибирский приказ, обязательный «отписки», рисунки, чертежи, схемы, показывающие пройденный путь, чтобы не плутали в темноте невежества идущие следом. Так копилось знание, которое предстояло собрать, осмыслить, привести в систему. Чтобы определить грани и межи, без которых не существуют ни народы, ни государства.

Один из трудов С. У. Ремезова так и называется «О границах и межах Сибири».

Он и жил на изломе XVII-го и XVIII-го веков, на «границах», определявшей пути России на столетия. Для Сибири эту «грань» можно видеть в окончательном пересечении начавшейся с Ермака вольнонародной колонизацией земель за Уралом, замене народно-государственного освоения Сибири на самодержавногосударственное. Как утверждал А. Н. Радищев: «Самодержавие... обратилось к сибирским делам, когда народ сделал свое дело».

Хотя, определение это можно отнести ко всем российским «украинам», осваиваемым почти всегда без «царского позволения»: (пример Ермака), чаще — вопреки «позволению». Так, русские, пожелавшие остаться вольными, мужики, одинаково хорошо владевшие саблей и плугом, оказывались на Дону, Тереке, Яике, Иртыше...

Дон, Яик явили России в XVII-ом — XVIII-ом веках мощные бунтарские разрушительные фигуры Разина и Пугачева, Иртыш, Тобольск дали создателя, мыслителя, последовательного «государственника» Ремезова. Если считать Семёна Ульяновича Ремезова одним из наиболее характерных представителей предприимчивого и талантливое «сибирского народа», то стоит говорить и о сформированном на сибирских просторах «сибирском характере». Отличающимся не только душевной широтой, но и душевной цельностью. Разрушители в Сибири появились позже, наиболее «способные» к разрушению — на наших глазах, но мы говорим о времени Семёна Ульяновича Ремезова.

Родился он в 1642-ом году, умер — после 1720 года. Более точными данными о дне смерти этого человека историки пока не располагают. Неизвестна и его могила, но известен единственный за Уралом Тобольский кремль, памятник народному сибирскому первопроходчеству, созданный Ремезовым. Именно о сибирском кремле было написано в начале XIX-го века в выходящем в Санкт-Петербурге альманахе «Сибирский вестник»: «Кто хочет видеть нечто прекрасное в натуре, тот поезжай в Тобольск». Конечно, каменное строительство в городе его административного и духовного центра имело одной из главных причин — необходимость бережения от частых пожаров, башни и стены кремля могли служить для обороны против немирных народов. Еще при жизни Ремезова тоболяки и жители более южной Тюмени нередко «находились в опасении» от степных кочевников, ходили против них в дальние походы, отбивая пленников и скот. Но ведь не построено такого кремля-крепости ни в Тюмени, ни в Омске, ни в каком другом сибирском городе. И дело даже не в указе из Москвы, когда в 1698 году С. У. Ремезов записал: «Велено мне быть в Тобольску у городского каменного строения...». «Каменное строение» можно было бы построить и попроще. Но ТАКОЕ «строение» мог построить в Сибири только один человек. И будем радоваться, что он оказался именно Тоболяком. И именно ТАКИМ человеком.

Кстати, Ремезова даже «отставляли» от «дел строения». Как утверждают исследователи, «из-за каких-то служебных упущений». И тобольский воевода князь Черкасский писал царю Петру: «А... ево, Семёна, к Москве отпустить было невозможно для того, что он в Тобольску у городского каменного строения у великих приемов и расходов, и в том ево считают. А от того строения он, Семён, отставлен, потому что явились ево, Семёновы, будучи у того дела, многие блудни, а какие, о том тебе, великому государю, мы, холопы твои, писать будем впредь...»

Доживал свою жизнь Семён Ремезов в обыкновенной покупной деревянной избе, в нижней части города, расположенной среди других изб простых тоболяков. Так что, палат каменных «тобольский по выбору дворянин» не нажил. А мы придем к простой догадке, что «великие расходы», в которых обвинял зодчего воевода, связаны с желанием Ремезова построить в родном городе, в Сибири, не просто практичные каменные административно-хозяйственные сооружения, а «нечто прекрасное». Реализовать проекты без известных нынешним архитекторам «удешевлений», «урезаний» и «корректировок». Кто имел дело со строительством, тот знает, какой характер для этого нужен.

Все Ремезовы отличались сильным характером. Впрочем, как и иные тогдашние сибиряки, вольные и невольные зауральские переселенцы и жители. Бесхарактерные в Сибирь не шли, слабохарактерных в Сибирь не отсылали.

Начало свое фамилия берет из Москвы, где дед Семёна Ульяновича Моисей (Меньшой) Ремезов находился на службе у отца первого русского царя из рода Романовых патриарха Филарета. Как пишет историк Л. А. Гольденберг: «Неизвестен характер его «проступка», но 2 декабря 1628 года по госу-

дареву указу из Москвы в Тобольск в сопровождении тобольского казачьего пятидесятника О. Антонова, мангазейского стрельца И. Борисова с товарищами был «прислан» сын боярский Меньшой Ремезов. Тобольский воевода А. Н. Трубецкой донес царю, что ссыльного «велели взяти и велели ему, Меньшичку, быти в Тобольску до указу». Городу тогда исполнилось как раз тридцать один год от рождения, от основания его отрядом казаков и стрельцов письменного головы Данилы Чулкова. Тобольск уже стал главным военно-политическим, административно-хозяйственным и культурным центром Сибири. И Меньшой Ремезов не затерялся среди известных служилых тобольских людей Аршинских, Толбузиных, Шульгиных... Занимает среди них одно из первых мест, с 1729 года получая наивысший по размеру годовой оклад денежного, хлебного и соляного жалованья — 20 рублей, 20 четей ржи, 20 четей овса и 3 пуда соли.

Свои необесцененные рубли тобольские служилые люди получали не зазря и не так просто. Имеются перечневые тобольские списки, приводящие сведения об обычных их службах. Среди них «посылки»: в Москву «с ясашными и с иными казнами и сметными и счетными списками и со всякими... делами и с отписки», в Мангазею, Илимский острог, на Лену, в Томск «з грамотами великого государя... и зельем, и с свинцом, и с хлебными запасы, и за ссыльными людьми в провожаемые», к Ямышу-озеру за солью и «для береженья... товаров, которые присланы были для торгу китайских товаров», на Устюг Великий, в Ярославль и Вологду «для покупки всяких товаров», в волости Уфимского уезда за воском и медом, в слободы и на заставы Тобольского уезда... Также посылались в острожки и слободы «на приказы, и за выдельным хлебом, иза сыскными, и за иными всякими великих государей делами, и в ясашные волости для ясашного збору... И на Верхотурье и в слободы ж по хлебные запасы весною и летом на дощаниках попеременно. И в Тобольску по городу и по острогу и у хлебных анбаров, и на кружечных дворах, и у калмыцких посланцев, и по иным местам, где доведетца стоять на караулах безпрестанно, и на объезжих караулах, и в станицах бывают почасту». И отправляются «в степь для поиску кучюмовых внучат и государевых изменников», на Байкал-озеро, на строительство острогов, а «Стенька Серебряников... послан... с посланником Никулаем Спафарием» в Китай...

«Во все стороны летящая стрела — тоболян езда», — заметит Семен Ульянович Ремезов.

Мы же заметим, что XVII-ый век, вообще в России, а не только в Сибири, создавал, формировал универсальную личность местного служилого человека. Человека мысли, слова и дела. Уточним: государственной мысли, государственного слова, государственного дела. И можно понять, за счет чего и за счет кого Россия так быстро и мощно вышла из начавшего век Смутного времени.

За счет чего? За счет единой идеологии, которую запоздало сформулирует в XIX-м веке российский министр просвещения граф Уваров. Провославие, самодержавие, народность.

За счет кого? За счет тех, кому служба Российской державе была и верой, и жизнью, духовным и физическим назначением и спасением. XVII-й век дал державе две величайших окраины — сибирскую и украинскую. Можно считать, что именно этот век на геополитический свет Божий великую Российскую империю. Дальше шло или закрепление данного, или ослабление. Расколы, реформирования, революции, перестройки... Петровские и екатерининские времена только продолжали (или отрицали) начатое XVII-ым веком. Мысль не самая новая, но часто и забываемая. Иногда кажется, вполне преднамеренно.

А запоздалость, и следовательно (увы), ложь, вырождение уваровской формулы заключалось в том, что когда она была провозглашена, самодержавие (бюрократическое), во многом, существовало уже само по себе, сотворив из православия некий казенный зависимый несамостоятельный институт; всеобъемлющая народность, проявившаяся через Пушкина, им же была и определена страшно: «народ безмолвствует». И, проявляющаяся, вне народа, вне державных задач, не

признанная государством и не признающая государства, разночинская интеллигенция. Также, сама по себе и сбоку. Готовящая для России иную, отнюдь не кратковременную, убийственную смуту.

«Грань веков», на которой жил Семен Ульянович Ремезов, подготавливала упразднение универсального сословия людей служилых, готовила им на смену узкоограниченное бюрократическое чиновничество и ущербного разночинца. Нечто в себе разрушительный заряд отрицания, столь противоположный созидательному духу деятельного возрождения середины XVII-го века. С историей, творимой не царями (начиная с Петра), и не «героями» и «вождями» (далее и ближе к нам нынешним), а каждым «служилым», тем более в Сибири. Всегда невозможной без личной инициативы и своего разума.

Несколько примеров из жизни «служилого человека» Моисея (Меньшого) Лукьяновича Ремезова. Вот в 1640 году он едет во главе посольства к друнгарскому контайше. 3 июня выехал из Тобольска, достиг 27 июня Ямыш — озера, где, не встретив контайшу, «учал соль в государевы суды грузить». Отправив 15 августа соль, продолжил поиски контайши в его улусах. встреча состоялась 10 октября. Во время аудиенции тобольский посланник, облаченный в «цветное платье», произносит речь, с экскурсом в историю добрососедских отношений киргизского (казахского) контайши и Москвы, обнаруживала отличное знание предмета и дипломатического ритуала. Сумев заставить послов контайши отказаться от требований ясака, с видимо спорных по принадлежности, ясачных людей Барабинской волости.

Позже, в 1642—1643 годы, Ремезов-дед, «с товарищи», отводит место под новую Туринскую слободу, где «пашенные земли очертили» и «учинили межи и чертеж».

В 1646 году, по поручению тобольского воеводы И. И. Салтыкова, он высказывает в Верхотурье местному воеводе мысли о главенстве Тобольска и его воевод над остальными сибирскими городами и воеводами. Чтобы не устраивали воеводы в далекой заочной государевой вотчине плюралистического самовластного «раздрая», подрывающего крепнущую российскую государственность.

Которой, с 1647 года (время поступления на государеву службу), служил отец Семена Ульяновича Ремезова Ульян Моисеевич. Исполняя, начиная с простого казака, «всякие городовая и степная, станичная, лыжная и нартенная службы». Спустя три года, грамотный, деятельный и любознательный казак назначается войсковым подъячим с годовым окладом в 8 рублей, 6,5 четей ржи, 4 чети овса, 1³/₄ пуда соли. С 60-х годов Ульян Моисеевич занимает высокую должность стрелецкого сотника, дослужившись до звания «детей боярских». Званием этим жаловали «людей разумных и сердцем рьяных», в отличие от «коренной» России, с ее достаточно жестко определившейся сословностью, в Сибири, практически, в «детях боярских» мог оказаться каждый служилый, была бы голова на плечах, да «царь в голове». Верно, направленную к добру деятельную «рьяную» разумность понимали наши предки под этим необходимым «царем», без которого человек не человек, а так — жалкое бессильное недоразумение, подвластное любому сильному и чужому. «Царь в голове» позволял немногочисленным еще русским людям в Сибири делать окружающий мир «своим», превращать недавних неприятелей, если не в «приятелей», так и не во врагов, а все чаще в союзников, в «союзников», связывая их с российскогосударственными целями и интересами.

В 1660 году Ульян Ремезов отправляется «в степь к Девлет-Кирею царевичу и к Лаузану-тайше с выговором о мирном постановлении и к Аблаю-тайше с государевым жалованием, с сукны и с Ермаковым пансырем». Ему доверили вести мирные переговоры с видными татарскими и ойратскими (калмыцкими) феодалами и передать Аблаю особую реликвию — панцирь Ермака, считавшийся у кочевников чудодейственным. К середине XVII-го века имена трех татарских и калмыцких властителей были связаны с враждебными действиями против России, тобольская администрация искала добрососедских отношений с татарски-

ми и калмыцкими владетелями. Ульян Ремезов успешно выполнил ответственную миссию, панцирь Ермака примирил воинственного и могущественного тайшу с русскими. Этот панцирь видел в доме отца молодой Семен Ремезов, описав его впоследствии в «Истории Сибирской», обширным, иллюстрированным автором многочисленными рисунками, трудом, из которого мы узнали о гибели Ермака, о чем рассказал расстроганный подарком Айбай-тайша Ульяну Ремезову.

На обратном пути Ульян Ремезов «вывез по упросу барабинских полоняников», которых вез на своих верблюдах и конях, «на своем корму, покупая у калмыков дорогою ценою». Понесенные при этом «всякая нужда» и убытки не были возмещены, и он «от той посылки оскудал и обнищал... и жизнь свою тем утратил». Расплачиваться за ту «посылку» пришлось еще и сыну, в 1698 году Семен Ремезов писал в челобитной царю Петру: «И от тех долгов я, холоп твой... оплата не могу и по сё число».

Кроме долгов была и неисчислимая прибыль. Накопленная двумя предшествующими поколениями тобольских Ремезовых, всеми сибирскими служилыми, строящими, пашущими, идущими вперед, не останавливающимися.

Накопленное сводил в своих трудах первый сибирский ученый, осмысливал, подводил итоги, раскрывал полно, продолжал, поднимал на новый уровень. И неожиданно для нас, нынешних, определял Сибирь «счастливой и красноцветущей».

«Воздух над нами весел и в мерности здрав и человеческому житию потребен. Земля хлеборобна, овощна и скота. Паче всех частей исполнена пространство и драгими зверьми бесценными. И торги, привозы и отвозы превольны. Рек великих и средних заток и озер неизчетно; рыб изобильно множество и ловитвенно; руд, золота и серебра, меди, олова и свинцу, булату, стали, красного железа, и простова, и всяких красок на шелки, и камней цветных много...»

Остается признать, что после Семена Ульяновича Ремезова со столь возвышенной торжествующей любовью о Сибири, кажется, никто и не говорил.

А начинал свою службу Семен Ульянович в ишимской степи, в 1668 году, простым казаком. Одним из многих. Посылаемых на разнообразные «посылки», в основном связанных с поисками различного рода прибылей для казны, сбором ясака, транспортировкой хлеба. Совмещаая обыденную службу с необычными сверхслужебными занятиями.

Впрочем, именно «обыденная служба» открывала ему родную Сибирь, ее «на все стороны дороги», «меры и расстояния», племена и народности, «вновь построенные слободы», «межи и грани». Служба требовала «описных земляных дел», то есть описаний и измерений осваиваемой территории, имеющих самое непосредственное отношение к картографическим работам. В документах 1689 года С. У. Ремезов аттестуется как опытный чертежник, который «многие чертежи по грамотам городу Тобольску, слободам и сибирским городам в разных годах писал».

В то время, когда для Европы все что за Уралом являлось землей неизвестной, завершая свой очередной труд, служилый сибирский человек Ремезов с удовлетворением напишет, что в «пополнок» уже существующему чертежу Сибири, выполненному в 1667 году при воеводе Годунове, он составил новый чертеж.

«Лета 7195-го (1687) году июня в 18 день написан сей чертеж всея Сибири мера от Тобольска ехать: на восток по Иртышу до Китайского царства, на запад по Тоболу и Туре до камня Уралу и степи, на север вниз Иртыша-реки и по Оби до Мангазейскаго и Соловетскаго и Ленскаго моря, на полдень по Вагаю и Ишиму до Хвалынскаго моря и степи калмык».

В 1696 году «доброму и искусному мастеру» боярским приговором, в Москве, было поручено составление большого чертежа всей Сибирской земли. Омываемой на востоке Тихим океаном, к берегам которого во главе служилым человеком Иваном Москвитиним русские вышли в 1639 году. Отделенной от Аме-

рики проливом, которым прошли, обогнувшие Азию с северо-востока в 1648 году русские мореплаватели Федот Алексеев и Семен Дежнев. Рассеяв сомнения о возможности плавания сибирскими морями из Европы в Китай, доказав, сами того не подозревая, что Америка является самостоятельным континентом. Кстати, именно Федот Алексеев был первым русским человеком, который ступил на курильские острова. Произошло это в 1649 году, когда он на своем судне «обошел Курильскую Лопатку». В 1711 году казаки экспедиции Д. Анциферова и И. Козыревского уже собирали ясак с жителей Курил. А если и были в то время на Курилах японцы, то в плену у казаков Козыревского, когда их корабль выбросило на берег, где они выучились говорить по-русски.

В 1697—1699 годах сибирский казак Владимир Атласов по собственному почину предпринимает поход на Камчатку и с этого времени Камчатка присоединяется к Русскому государству. В 1658 году воевода Пашков в бассейне Амура основывает Нерчинский острог. В том же году казак Онуфрий Степанов с пятью товарищами вступил на Амуре в бой с целой хорошо вооруженной китайской флотилией. А из «чертежа» всей Сибири С. У. Ремезова видно, что русские землепроходцы уже тогда (намного раньше исполнения «чертежа») дошли до средней части Сахалина.

Географические карты («чертежи») имеют не только научно-прикладное значение, но и политическое. Создавая карты новых земель, определяя их границы, народ, государство утверждают, легитимизируют свое бытие на этих землях. Кроме многочисленных отдельных «чертежей», С. У. Ремезов подготовил три географических атласа Сибири: «Хорографическую чертежную книгу (1697—1711), термином «хорография» как при Ремезове так и сейчас обозначают описание отдельных стран и крупных районов и регионов, «Чертежную книгу Сибири» (1699—1701), «Служебную книгу», начатую в 1702 году и законченную в частных деталях его сыновьями Леонтием, Семеном и Иваном в 1730 году. Атласы Ремезова щедро снабжены пояснениями: историческими, этнографическими, экономическими, археологическими, собранными в многочисленных поездках, полученными из распросов «памятливых старожилов, бывальцев в непроходимых местах и каменех безводных, на степех и на морех, по различным землям...»

Осваивая Сибирь, русский человек свершил народное «неподъемное дело», принимаясь за свои многоплановые обширные труды, Ремезов также брался за дело «неподъемное» и довел его до конца. Такие характеры формировал сибирский XVII-ый век, характеры служилых людей, знавших, что начать, значит завершить. В противном случае, незачем и за дело приниматься. Став ногой за Урал, следующим шагом становился Тихий океан, а еще следующим, по разгону из XVII-го в XVIII-ый век, уже — Русская Америка. И все это, повторим, после Смуты, когда Россия находилась на грани потери государственности, развала, расчленения, уничтожения. Собственно, Смуту породило желание пользы себе, этакий всеобщий «личный интерес», хватательный, овладевший и боярином и холопом. Действительно, оказавшихся без «царя в голове». Преодолело Смуту — желание пользы России. Каждым отдельным человеком, всеми сословиями, нахлебавшимися до упора «смутной свободы», перемогшим ее, принявшимися не за перестройку и ломку, но за продолжение прерванного строительства. После того как изгнали из отечества «лжецарей», самозванцев, иноземцев, временщиков.

И продвижение в глубь Сибири только подтверждает наличие безошибочного коллективного народного разума, точно определившего пути основного строительства, на северо-восток, общероссийского государственного дома. Все остальное, последующее, нелучшее, когда из Сибири старались сотворить то торгу (при царях), то некий «архипелаг» (при «вождях»), с народным разумом не связано. Потому что кроме, разрушительной «смутной свободы», существует еще и убийственный бюрократический «беспредел», как раз и направленный против «свободы народной».

Для русских первопроходцев проникновение в Сибирь, освоение Сибири, явилось не просто экономической и политической задачей, но задачей нравственной, как раз и заключающейся в расширении истинной свободы, в духовном выздоровлении после государственных потрясений. Судя даже по одной семье Ремезовых, в XVII-ом веке Сибирь основывали, изучали, описывали духовно здоровые люди.

И как бы ни был хорош созданный С. У. Ремезовым Тобольский кремль, именно его карты («чертежи») являются главным памятником русскому сибирскому первопроходчеству. Этому «русскому духу», который, дай Бог, не выветрился за самый тяжелый в народной истории XX-ый век.

Основу карт С. У. Ремезова составляли детально изученные, измеренные речные и сухопутные маршруты, при отсутствии математического обоснования, заменяющие привычную для нас географическую, по широте и долготе, «сетку». Ни одно из значительных событий в области географии и картографии Сибири того времени не проходило мимо сибирского ученого. Он был хорошо знаком с географическими описаниями посольства Н. Спафария, плавания С. И. Дежнева, похода В. Атласова. Ему были известны китайские, бухарские, арабские, европейские источники. В 1698 году Семен Ульянович ознакомился с московскими картохранилищами, пополнил снятыми копиями свою коллекцию чертежей Сибири. Он еще застал в Сибирском приказе огромный картографический фонд, позднее бесследно исчезнувший. «Бесследно» исчезали и многие из работ С. У. Ремезова, впоследствии оказывавшиеся в музейных и частных коллекциях, вывезенных на запад. Корыстный интерес иностранцев к работам сибиряка проявлялся еще при его жизни, когда западноевропейские исследователи издавали его труды, естественно, без указания имени автора.

Геокартографическая энциклопедия Сибири, созданная С. У. Ремезовым, и сегодня отвечает на многочисленные запросы наших современников о самом интенсивном периоде русских географических открытий и динамике развития освоения Сибири и Дальнего Востока. Чтобы не быть голословным в этом утверждении, вспомним, что именно чертежами Камчатки, с прилегающими Курильскими и Японскими островами семидесятитрехлетний С. У. Ремезов завершил свою картографическую деятельность.

В 1713 году мореплаватель Козыревский представил (использованный Ремезовым) свой отчетный чертеж с точными сведениями о Курильских островах. И цитата из книги Л. А. Гольденберга «Изограф земли сибирской»: «Важно это обстоятельство и потому, что Япония в то время, как полагают и японские исследователи, почти ничего не знали о Курильских островах и не имели сведений о каждом из них (Акидзуки, 1968, с. 157)».

Что ж, «влияние невежества в географии» продолжает воздействовать на «историю народов». Но думать приходится не столько о «невежестве», сколько о преднамеренном замалчивании русской истории. Кто знает ее, останется при убеждении, что занятие это безнадежное. Надежны только труды, направленные, как писал С. У. Ремезов, «ко утешней всенародной пользе». Создающие государственную географию и историю. Надежные и вечные...



Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

[...]«Старый шайтан» продолжал стоять на старом месте. Это был невысокий, сгорбленный старик, одетый в лохмотья и даже не в лохмотья, а во что-то такое, чего разобрать было нельзя. Вернее сказать, этот костюм состоял из всевозможных заплат, причем куски материи мешались с вытертыми, изношенными кусками собачьего и оленьего меха. Он был без шапки и босой. Старое лицо точно было составлено из отдельных кусков тонкой и сухой старческой кожи, а глубокие морщины показывали места бесчисленных швов. Узкие темные глазки, как у хищного зверька, совсем прятались под напухшими красными веками. На этом лице из кожаной мозаики волосы топорщились какой-то бурой шерстью, как лишайники на очень старых деревьях. Голова была совершенно голая, и только за ушами осталось по коротенькой прядке волос — остатки кос, какие носят вогулы...

— Ты, братец... да... гм... Ты здесь живешь? — совершенно глупо спрашивал Люстиг.

— Везде живу... — отвечал старик, улыбаясь своей беззубой детской улыбкой.

Фомин занялся рассматриванием ружья «старого шайтана». Это была самая старинная малопульная винтовка с самодельной ложей. Как старик ухитрялся убивать из нее белок и куниц, трудно было понять.

— Да, орудие... — заметил Парфен тоном специалиста. — А шайтан из нее вот как лихо запаливает. Белку прямо в голову бьет... Он из рыбы кожу умеет делать. Ну-ка, шайтан, покажи господам свою рубаху.

Рубаха оказалась верхом вогульского искусства. Она была действительно сделана из выделанной рыбьей кожи и сшита беличьими жилами.

— Настоящий пещерный человек, — определил доктор. — Интересный экземпляр вообще. Прямо для этнографического музея [...]

...— А когда ты умрешь, тогда что будет?

«Старый шайтан» посмотрел на Костылева своими темными глазами и засмеялся, как смеются над наивным ребенком.

— Тогда все вогулы вернутся сюда и прогонят всех русских, — уверенно проговорил он. — О, вогулов много, как листьев на дереве!.. Вогулы самый сильный народ... Вот ты строишь для них свою дорогу... И все другие будут работать для вогулов... Я уж видел в Усолье, какие для них устроены русскими железные лодки и железная лошадь... Все это для вогулов... Они только ждут, когда им идти... Вернутся и все покойники... они только отдыхают пока... Все покойники придут. Старый шайтан все знает, только молчит... И я буду управлять своим народом, а ты будешь мне кланяться... Все вогулы будут есть каждый день и все будут счастливы...

«Старый шайтан» долго говорил о светлом вогульском будущем и улыбался блаженной, детской улыбкой [...]

(Из рассказа «Старый шайтан»)

Г. СЛИНКИНА

Два рыбака



Я веслом гребу,
Пою
Утом песенку мою:
«Завтрак манси
В озерке.
Еду, еду в обласке.
От кола и до кола
Сетка с рыбой тяжела.
Ох, наверно, тяжела!
Вижу я еще с реки —
Ходят,
Тонут поплавки».
Я приблизился,

А сеть...
Впору плакать,
А не петь!
Снасть скрутилась.
Как веревка.
И гагара в ней,
Плутовка.
Злится птица:
Плавал где!
Видишь:
Друг-рыбак
В беде!

Н. ЗИНЧЕНКО

ШАЛЬНОЙ ВЕТЕР

(сказка)

Прилетел однажды Шальной Ветер к речке Безымянке и хвалится:

— Я везде летаю, всюду кричу-свищу, все вижу, все знаю, а ты, речка Безымянка, между двух берегов течешь-молчишь. Разве можно так жить? Иди, по свету белому постранствуй!

— Я бы рада по свету белому побродить, — речка ветру отвечает, — да если я в рост поднимусь — выше облаков заберусь, вороны рыбу растащат, если, по земле шагая, оступлюсь — вода с рыбой в подземелье уйдут. Чем тогда рыбаки детей кормить будут и что сами есть станут?

— Ты о себе думай, а не о рыбаках печалься, — ветер речке отвечает. И не успела речка слова в защиту молвить, как разбежался Шальной Ветер, подхватил Безымянку и забросил ее на облака. Рыба на сковороды да в корзины с картошкой попадала, а которая долго летела по сторонам глазела — вороны похватали да сороки расклевали.

Речка Безымянка в облака превратилась и поплыла по небу, а Шальной Ветер дальше полетел.

Летит ветер и видит: стоит гора — Каменная голова. Подлетел к ней и хвалится:

— Я везде летаю, всюду кричу-свищу, все вижу, все знаю, а ты, Гора — Каменная голова, на одном месте стоишь-молчишь. Разве можно так жить? Иди, по свету белому постранствуй!

— Я бы рада по свету белому побродить, — гора ветру отвечает, — да горцы в саклях на мне живут, их овцы на моих склонах травы шиплют, на голове моей снег лежит — ручьями вниз бежит, цветы на лугах растут, жаворонки там гнезда вьют, колыбельные птенцам поют, а если я пойду — снег с головы стряхну, он лавиной вниз пойдет, сакли и овец в пропасть унесет, луга без воды умрут, жаворонки гнезд не совьют, колыбельных песен птенцам не споют. Где горцы жить будут, что есть — пить станут?

— Ты о себе думай, а не о горцах и овцах печалься, — ветер горе отвечает.

И не успела гора — Каменная голова слова в свою защиту молвить, как налетел на нее Шальной Ветер, ударился об нее грудью так, что разлетелась она на мелкие камешки по всей земле, и всех, кто на ней жил, под собой погребла.

А Шальной Ветер дальше полетел. Летит и видит: океан — Синий Буян на солнце лежит, волнами слабо шевелит — греется. Подлетел к нему ветер и хвалится:

— Я везде летаю, всюду кричу-свищу, все вижу, все знаю, а ты, Океан — Синий Буян, на одном месте лежишь — молчишь. Разве можно так жить? Иди, по белому свету постранствуй!

— Я бы рад по белому свету побродить, — океан ветру отвечает, — да если я поднимусь, по всей земле разольюсь — в лужу превращусь. Корабли, что по мне плывут, на мель сядут, товары в другие царства-государства не привезут. Киты под воду нырнут — головы о камни разобьют, китинят сиротами оставят.

— Ты о себе думай, а не о кораблях и китах печалься, — ветер океану отвечает.

И не успел океан — Синий Буян слова в свою защиту молвить, как разбежался Шальной Ветер и ударился грудью об его упругие волны так, что разлились они во все стороны, а Шальной Ветер дальше полетел. Да сколько ни летал — ничего, кроме воды, не встретил, закручинился:

— Я везде летаю, всюду кричу — свищу, да только никому я не нужен.



Ненька и ветер

Ненька с папой из балка
Вышли прогуляться.
Ветер в спину и бока
Начал вдруг толкаться.
Папа хмурится, ворчит:
— Не желаю взбучки!

Ненька смелая кричит:
— Взял он нас под ручки!
— А обратно как пойдём!
— За собою поведем.
И привяжем, как щенка,
Возле нашего балка!

Буквой «М»

Папа с мамой по краям,
А в середине самой я —
Называется семья!
Если день стоит погожий,
Наша тень на «М» похожа.
Не известно, что ли, всем:
С этой самой буквы «М»
Начинаются слова:
«Мама — муля, Мир — Москва,
Микки — Маус, Меги — он,
Милли — много, Милли — он!»
Мирово живется тем,
Кто гуляет буквой «М»!



РОСОМАХА А. КОНЬКОВА

(сказка)

Давно-давно это было, в стойбище манси у большого, как сорий — море, озера.

Летом озеро было голубым-голубым и сливалось с небом, а зимой белым-белым, как сама зима.

Недалеко от озера жила вдова с дочерью. Мать с утра до вечера то ловила рыбу, то ставила деревянные ловушки — черканы на соболей, на огнистых лисиц. А дочь ничего не делала, наряжалась да смотрелась в зеркальную воду озера.

Летом дочь каждый день плела венки из лесных цветов и красовалась. Мать ей скажет:

— Зачем, доченька, губишь цветы, превращаешь их в мусор. Они на груди матери-земли дольше бы были свежими, веселили небо, людей, птиц, зверей.

Дочь рассердится на мать и наговорит ей столько грубых слов, что в большой берестяной кузов — пайп их не складешь.



Только наступит осень, загорятся огнем ягоды рябины и шиповника — она соберет их, нанизает на нитку, наденет вместо бус, и ходит довольная, воображает, что нет ни одной красавицы в стойбище наряднее ее.

Только окрасятся в разные цвета листья деревьев, она соберет их и нашьет на халат узоры из листьев. Сегодня нашьет, — покрасуется, а завтра листья свернутся, станут сухими, ломкими, она соберет других листьев и снова нашьет узоры. И так каждый день на ее халате свежий узор то из золотых листьев березы, то рябины, то осины.

Увидят ее женщины, тихо переговариваются:

— Посмотрите, посмотрите, наша нарядница совсем не меняется, во что попало наряжается!

Одни спросят ее:

— Девушка, как тебе не лень шить узоры на один день?

Другие спросят:

— К какому празднику ты, девушка, так нарядилась? Может быть, весну встречаешь, может, лето провожаешь?

Ленивица рассердится на соседок и всякими недобрыми словами обругает их. Соседки посоветуют ей:

— Девушка, чем безделушками себя украшать, не лучше ли тебе свою речь украсить добрыми, красивыми словами?

Прошла осень, настала зима, на стало листьев разноцветных. Ягоды рябины, шиповника застыли, холодят руки ленивицы. Она собрала свои зимние шубки, осмотрела, примерила их и брезгливо бросила на пол.

Мать вернулась с озера холодная, голодная, чувал не топлён, обед не варен, шубки разбросаны.

— Дочь, почему шубки валяются на полу? — удивилась мать.

— А потому, — отвечает ленивица, — что я их носить не буду. Хочешь, выбрось их на улицу. Хочешь, пусть лежат под порогом, чтобы гости вытирали о них ноги. А мне справишь новую горностаевую шубку.

— Да ты что, доченька, соболью шубку я тебе сшила прошлой зимой, — возразила мать. — А шубку из лисьих шкур ты две зимы только носила.

— Если эти шубы не намозолили соседям глаза, надевай их сама. А мне шей белую горностаевую, да по подолу выложи узор из горностаев черных хвостиков.

— Шкурки горностаев узкие, их для шубки надо много. А у меня уже нет сил ловить зверьков. И узоры я шить не могу. Глаза мои морозы выморозили, ветры выдули.

— Ну, тогда я уйду от тебя, от такой злой матери. Буду жить в лесу одна.

Она хлопнула сердито дверь, выбежала с криком и слезами на улицу и побежала в лес. А навстречу ей идет Комполэн, полузверь — полумужчина. Он обернулся в доброго старика и говорит:

— Милая внучка, стоит ли так сердиться и кричать на весь лес из-за одной шубки? Пойдем ко мне, у меня не одну выберешь шубку и возьмешь.

Отправилась девушка в его болотное царство. Она увидела много разных шубок и принялась их примерять. Надела шубку из оленьего меха — не понравилась. Надела из налимьей кожи на лебяжьем меху — показалась не к лицу. Комполэн с улыбкой подал ей еще одну:

— Вот белая шубка, которую ты желаешь. Она белее и чище первого снега.

Ленивица схватила шубку, надела и, радостная, выбежала. Бежит, ищет тропу к своему домику и найти не может. Чувствует, что шубка сдавливает ее тело. Ей тесно и больно в ней. Добежала до зеркального озера, увидела прорубь и давай рассматривать себя, а на ней темная, косматая шкура Росомахи. Она хотела сбросить ее с себя, но не смогла. Шкура впилась в тело лентяйки... Она заплакала, запричитала:

— Как же я такая покажусь людям? Все меня напугают и будут убегать со страхом.

Вот так и осталась она жить в лесу со всеми росомахами и теперь живет.

Андрей ТАРХАНОВ

Ханты-Мансийские холмы
В почете нынче у зимы.
Из меха огненной лисы
У кедров утром рукавицы.
И как задумчивы лога!
Как синева в логах ярка!
Февраль,
А здесь, представьте, тишь.
Зато в буранах весь Иртыш.
Разбег тут ветры набирают,
Через холмы перелетают.
Звучит победный снежный свист,
Без боя взят Ханты-Мансийск.



На каланчу февраль-чудак
Повесил свой мятежный флаг.
Всю ночь он бьется на ветру...
Холмы прекрасны поутру.
Пылают кедров рукавицы,
Горят снега, ликуют птицы.
Ханты-Мансийские холмы
Всегда в почете у зимы.

Рис. Н. ИВАНОВА.

ОРНАМЕНТЫ

«Пополам сломанное животное» и «Дождевой червь»

Изображения, приведенные на рисунке, исполнены на бересте в технике «выскабливания» и носят следующие названия:

1,2 — шопа мэритум вой — «пополам сломанное животное»;

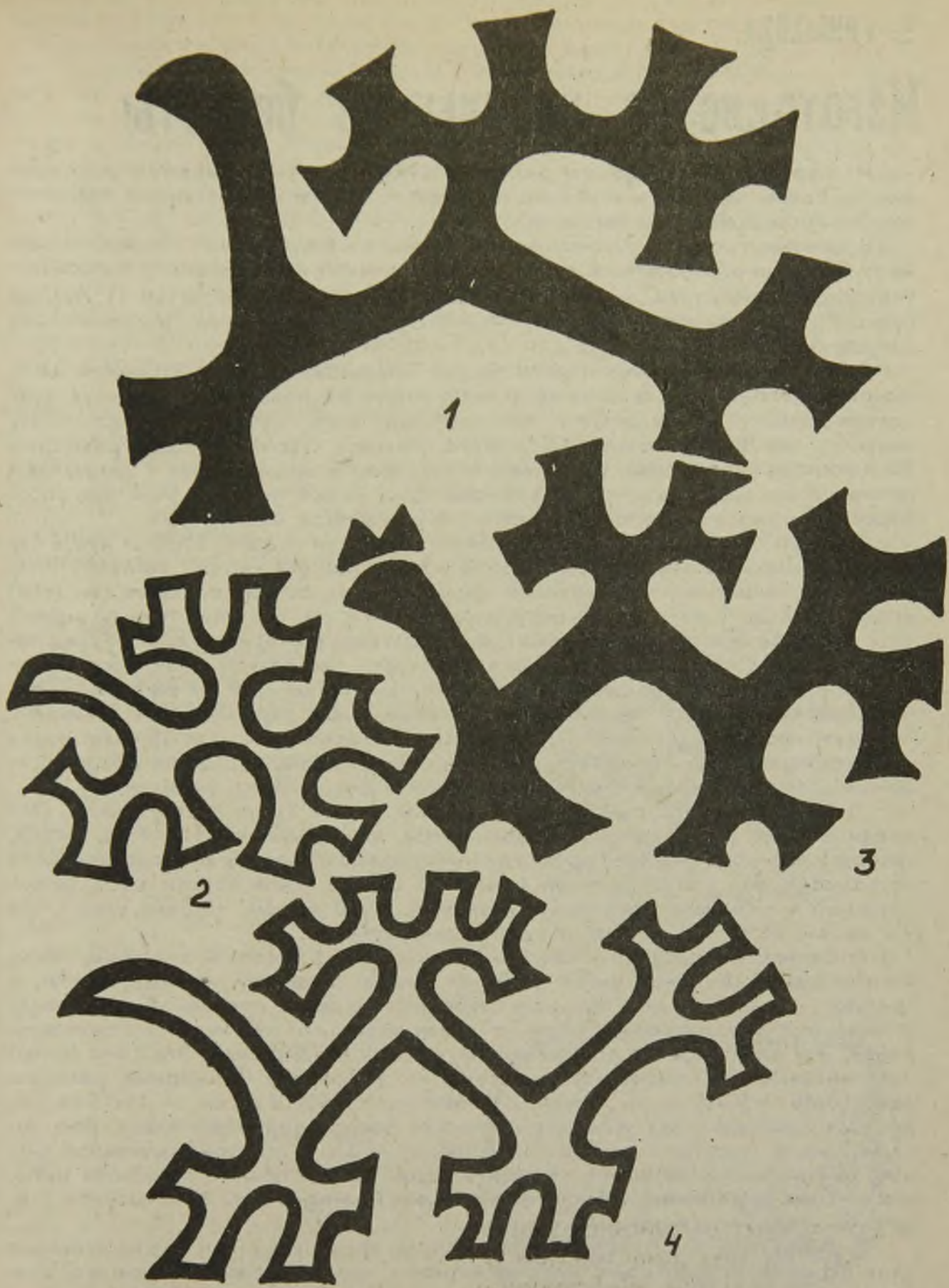
3,4 — мувляр — «дождевой червь».

Автор рис. 1 на вопрос, почему она так называет это изображение, ответила, что оно «нямл ушанг вой хур ан таял», т. е. «ни на какое (осмысленное) изображение животного не походит». Следовательно, можно предположить, что, когда дальнейшее развитие орнамента приводит к качественным изменениям и новые мотивы узора или стилизованные изображения начинают существенно отличаться от исходных, тогда мастерица начинает как бы «подыскивать» новое словесное выражение своему узору. Таким образом происходит пополнение орнаментального фонда.

Изображение дождевого червя в сегодняшних представлениях казымских мастериц не несет ярко выраженной сакральной нагрузки. В разговорах же иногда прослеживается тенденция сближения изображений дождевого червя и змеи. Последняя в мировоззрении обско-угорских народов играет существенную роль, являясь символом связи с Нижним миром при вертикальном расчленении Вселенной или связана с духами болезней. Орнаментальное изображение дождевого червя в ранних публикациях нам не встречалось, лишь у С. Руденко, который в 1909—1910 гг. собирал графические рисунки на р. Казым, есть изображение дождевого червя на бумаге карандашом. («Материалы по этнографии» т. IV вып. 2 Этнографический отдел Гос. Русс. Музея Л, 1929).

Возможно, что стилизованное изображение «дождевой червь» на коробочках из бересты не очень давняя традиция, хотя нам встречалось на одной старинной коробочке изображение, аналогичное приведенному на рис. 4, но с двумя головами. Дочь мастерицы, сама в настоящее время пожилая женщина, не могла объяснить название изображения, поэтому оно сюда не включено.

Т. МОЛДАНОВА.



Изготовление посуды из бересты

Из бересты делают самую разную посуду: простую — временную, сложную — более прочную и особенно прочную — на длительное время пользования, не пропускающую воду, жир.

В далеком прошлом у манси и ханты не было металлической посуды, но зато было большое разнообразие посуды, изготовленной из природного материала: бересты и дерева. Мы здесь остановимся на посуде из бересты: 1) сямпал (манс.); 2) сан-ман., сон-хант. — Это наиболее легко изготавливаемая посуда; 3) совт (манс.) и т. д.

1) Самая простая, элементарная посуда — сямпал. Эту посуду можно изготовить очень быстро, в течение нескольких минут. Ею пользуются в случаях, если человек забыл кружку дома и при переходе через ручейки захотел попить воды, тут же сделал сямпал. Для этого снимают кусочек бересты размером 20x20 кв. см., сворачивают один угол, в двух местах прокалывают и заправляют веточку в эти же дырки — чашка готова. Если из нее пьют горячий чай, то от бересты никакого постороннего запаха не ощущается, чай вкусный.

2) Мелкая берестяная посуда — сан — манс., сон — хант. Берется кусок бересты размером 20x20 кв. см., глубина угла загиба 4x4 кв. см., загнутые углы сгибают в направлении поперечной кромочки, под загибы по краю сан (сон) кладут прокладку из долевой бересты шириной 2 см. Из такой посуды можно пить чай, либо класть варенье, рыбий жир. Швы сана (сона) накладывают следующим образом: несколькими проколами сначала закрепляют угол, затем угол вместе с прокладкой по верхней кромочке сана прошивают на расстоянии одного сантиметра. Для прочности под угловые сгибы верхних краев вставляют черемуховую реечку. Если сон (сан) большой величины, то черемуховую рейку в нескольких местах пришивают к стенке сана по краю, иногда на нее наносят орнаментальные зубчики (паквпал) или кубики для красоты, украшения.

3) Берестяная посуда средней величины — сан (манс.), сон (хант.). Она предназначена для хранения и подачи хлеба, для подачи на стол ягод, сахара, твердого лосиного жира. Такую посуду тоже украшают, так как этой посудой часто пользуются, она всегда на виду. Обычно в центре такой посуды располагают орнамент — солнце. Примерные размеры: 30x30 кв. см, глубина угла сгиба 7x7 кв. см, шьют так же, как посуду малой величины.

4) Берестяная посуда — сан (манс.), сон (хант.) большой величины, легко изготавливаемая. В одной чистят рыбу от чешуи, в другой — разделявают, в третьей — хранят. Хранят обычно в глубокой сан, более прочной. В таких санах (сонах) под угловые сгибы верхних краев вставляют прочную черемуховую рейку. Эту рейку крепко пришивают по краям сана к стенке. Эти саны (соны) повседневные. Их обычно орнаментами не украшают. Примерные размеры сана: 50x40 — 50x60 кв. см., глубина углового сгиба 10x10 кв. см, — 15x15 кв. см, долевая прокладка под углы для прочности поперечной обязательна. Всю посуду: малые, средние и крупные саны (соны) — шьют толстой скрученной ниткой, оленья жилка не годна, так как в такой посуде обычно находится рыба, мясо, выделяющие влагу, и жилка может очень быстро сгнить. Этой посудой, т. е. крупной, пользуются один-два сезона.

5) Кукр (хант.) — это посуда долгосрочная, прочная, причем она из двойного слоя бересты, потому шьют кукр из бересты, снятой весной. Ее красиво, сна-

* Мансийские названия комментируются кандидатом филологических наук Е. И. Ромбандеевой.

ружи и изнутри оформляют орнаментами, на дне рисуют либо солнце, либо кострище, рыбу или сетку. Такая посуда водонепроницаемая, потому служит для хранения рыбьего жира. В такую посуду закладывают корсяк — манс., шомх — хант. (вялено-жареная нельма и муксун), затем заливают рыбьим жиром. Пища в такой посуде не портится в течение длительного срока, береста дышит, продукты не задыхаются. Такую посуду (кукр) изготавливают редко, мастерицей затрачивается немало труда. Потому тот, кто пользуется этой посудой, бережно относится к труду изготовителя. Если она пуста — не бросит, как попало, ставит на полки осторожно, других, посторонних вещей не должно быть на этой полке. Примерные размеры: 60х60 кв. см, глубина сгиба угла 20х20 кв. см. Шьют следующим образом: берут два одинаковых куска бересты квадратной формы, снимают с изнаночной стороны несколько слоев с обоих кусков, чтобы оба куска стали мягкими, эластичными и довольно тонкими. Положив друг на друга, где долевая совпадает с долевой, сгибают углы и сворачивают оба угла в сторону поперечной кромочки, таким образом два других угла тоже сворачивают в сторону поперечной кромочки и все эти углы прикрепляют к основе, т. е. пришивают. Затем внутрь на верхнюю кромочку кукр помещают черемуховый обруч, довольно хорошо обточенный с одной стороны, с другой — овальный, тонкие концы накладывают друг на друга и перематывают крепкой ниткой; снаружи вторую рейку (такой же толщины) прикладывают и одновременно пришивают швом через край, еще под наружную рейку закладывают полоску поперечной бересты, высотой как угол сгиба, т. е. 15 см.

Крышка насаживается на тонкое черемуховое кольцо, размером с верхнее основание, это кольцо пришивается к покрывке.

На рисунках:

№ 1 — развертка кукр;

№ 2 — покрывка;

№ 3 — внешний вид.

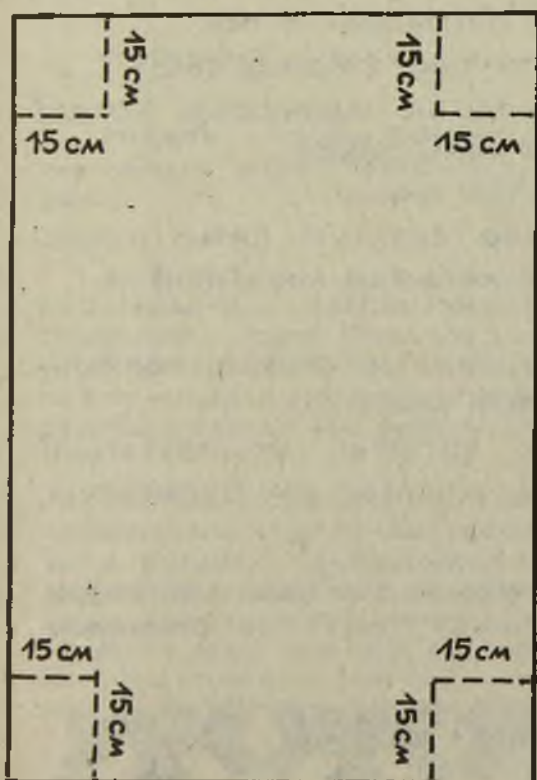


Рис. 1.



Рис. 2.

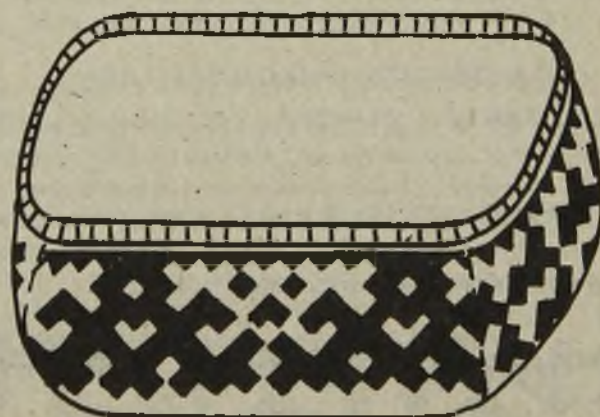


Рис. 3.

ГОВОРИТЕ ПО-МАНСИЙСКИ

Урок восьмой

Словарь к теме «МЕСЯЦЫ ГОДА» — («ЭТПОСЫТ»)

Январь (месяц середины года)	— Тал котиль этпос.
Февраль (месяц ленивого орла)	— Ретын юсвои.
Март (маленький наст)	— Маньполь.
Апрель (большой наст)	— Яныгполь.
Май (месяц, когда несет лед)	— Янк натнэ этпос.
Июнь (месяц появления листьев)	— Лупта этпос.
Июль (месяц заливных озер)	— Ойттур этпос.
Август (месяц лесных озер)	— Вортур этпос.
Сентябрь (месяц щекура)	— Сукур этпос.
Октябрь (маленькая осень)	— Мань таквс.
Ноябрь (большая осень)	— Яныг таквс.
Декабрь (месяц тридцати топор- рищ)	— Ват саграпнал этпос.
Который час?	— Хоты сёс? (Манах сёс?)
Сегодня какой день недели?	— Ты хотал манырфир хотал?
Когда это было?	— Таи хунь олыс?
В этом году.	— Ты тал олыс.
На прошлой неделе.	— Ювле хультум сатыт олыс.
Ты уезжаешь завтра?	— Наң холытан минэгын?
Нет, я лечу самолетом послезавтра.	— Ати, ам мотхотал товлын- хапыл минэгум.
У тебя завтра выходной день?	— Наң холытан усылахтэгын?
Нет, завтра у меня рабочий день.	— Ати, холытан ам рупитэгум.

ПРИМЕЧАНИЕ: В связи с отсутствием на полиграфической базе типографии знака для передачи заднеязычного носового «н» в тексте он обозначен переднеязычным носовым «н̄».

Топонимический словарь Югры¹

В—И

ВЫСОКООСТРОВСКОЕ — месторождение нефти. Скважину — первооткрывательницу — бурили и испытывали летом 1990 года коллективы мастеров Р. Бахмурзиева и В. Леонова из Правдинской нефтегазоразведочной экспедиции. Буровым мастером этой экспедиции был Вячеслав Высокоостровский. 28 июня 1966 года в газете «Правда» на первой полосе был помещен его фотоснимок, а 3 июля этого же года его не стало. Он был убит на буровой рабочим своей же бригады. Убийце пришлось не по нраву заповеди бурового мастера: «Не отказывайся ни от какой работы... Берись за нее с охотой... Если завелся в наших рядах лодырь, выставляй его на показ. Видишь, отстают соседи — помоги...» В. А. Высокоостровский, сын московского журналиста, учился заочно в нефтяном институте имени Губкина. И все годы, пока учился, работал на буровых. Начинать с мелких скважин в родном Подмосковье, а потом его родным домом стал Горноправдинск и коллектив экспедиции. Начинать помбуром, стал бурильщиком, за год до трагедии стал буровым мастером.

[ЛП, 12.2.65, 9.8.90, 8.6.91 С. Россия, 9.8.66 Ф. К. Салманов. Сибирь — моя судьба. 1988. МГ. с. 268]

ДАРКО-ГОРШКОВО — село на речке Лямин. Селяровский купец Горшков открыл в среднем течении речки своего рода факторию, обменный пункт. Себе взял в помощники неженку, звал которую Дарья. По фамилии и имени двух людей и возникло название села.

ЕВТЫНГЬЯ — одна из речек в бассейне Северной Сосьвы и расшифровывается как Луковая река, от мансийских ёвт — лук (оружие), ёвтынг — луковый. Видимо, название дано по названию луков-самострелов, которые охотники-манси ставили на крупного и мелкого зверя.

[А. Матвеев. Географические названия Урала. 1980. с. 86].

ЕГ АНОКУРТ — село на р. Казым. Название от хантыиского еган — река, курт — село. [З. Соколова. Страна Югория. с. 22.]

ЕНДЫРЬ — приток Оби (исток около поселка Луговое). Имя протока получила от хантыиского эмтор — озеро. В русском произношении слово зазвучало, как ентарь, ендырь.

[И. Воробьева. Язык земли. 1973. с. 78.]

ЗЕНКОВО — село в Ханты-Мансийском районе. 20 августа 1727 года ясашные остяки Володимерко и Воймох Левкины заложили самаровским ямщикам Зиновию и Андрею Пачгановым остров Сосновый за пять рублей. Это тот остров, на котором и стоит в устье протоки Неулевой Зенково. Видимо, свое название оно получило от имени одного из этих ямщиков. По имени отставного казака Зенкова, жившего в середине XVIII века в Кузнецке, названа там одна из деревень.

[Кр. сборник окр. краев. музея. 1-1958. с. 26]

ИГРИМ — поселок в Березовском районе на берегу Северной Сосьвы. В источниках прошлого и нынешнего века упоминается Егриньпауль, а также Югринские или Игримские юрты. Ученый Е. Ромбандеева считает, что мансийское название поселка Ягрим, писатель Ю. Шесталов — Юхрим. В языке домансийского населения этого края есть географический термин ягр — озеро. Это слово имеет соответствие в финно-угорских языках (финское ярви, саамское явр, марийское ер — озеро). Можно на основании сказанного предположить, что Игрим звучит как Озерный. Действительно, самая значительная группа больших озер бассейна Северной Сосьвы находится вокруг Игрима.

[А. Матвеев. Географические названия Урала. 1980. с. 100].

1. Публикуется с сокращениями.

ЧТОБЫ НЕ ИСЧЕЗЛО ИЗ ПАМЯТИ

П. СИТНИКОВ.

От Нижневартовска до Ларьяка по реке Вах раньше было расположено 15 населенных пунктов, а сейчас осталось только 7, из них 3 вновь возникших. Исчезли Малая Тархова, Пылина, Соромина, Кирилкина, Малый и Большой Лобазъеганы, Люкпай и некоторые другие.

Прокатилась волна переименований. Савкина стала Излучинском, Максимикина — Ваховском, Вартовск — Вампуголом.

Названия многих проток, еганов (речек), населенных пунктов и озер при произношении в русской транскрипции претерпели такие искажения, что сейчас очень трудно, а иногда просто невозможно найти истинное звучание топонима.

Приведу некоторые примеры.

До сих пор нет правильного объяснения названия известного всему миру озера Самотлор.

На хантыйском языке сложные слова произносятся и пишутся без соединительной гласной, поэтому правильно произносить следовало бы «Самлор», а еще правильнее — «Самлар», так как в хантыйском словаре нет слова «лор», а есть слово «лар», то есть, «сор» (низкое, затопляемое во время паводка место).

Некоторые считают, что озеро надо называть «Сэмлар». В хантыйском языке есть слова «са» и «сэ». Первое переводится как «сердце», второе — «чешуя». Если взять эти два варианта названия озера, то первое в переводе на русский будет называться «Сердце сора», а второе — «Чешуйчатый сор».

Какое название будет правильным, сейчас вряд ли кто может сказать с уверенностью. Но я хорошо помню, что до прихода нефтяников, вернее, геологов, местные жители всегда называли его «Самлар» (разговорное — «Самотлар»).

А вот другой пример. Название реки Обь пришло из языка коми. Но эта река имела название и у жителей Среднего Приобья — хантов. На их языке она называлась «Ас», что приблизительно переводится как «Большая вода». И сейчас есть слова, происходящие от этого названия. Так, известная протока Баграс, на берегу которой забил первый фонтан нижневартовской нефти, правильно должна называться Погорас, что в переводе на русский означает Старый Ас (в хантыйском языке «погор» означает «старик», «старый»). Название реки Ас сохранилось в названии другой протоки — Кирьяс, которое на хантыйском звучит как «Кёрас», что в переводе на русский будет «Нога ас».

Считаю, что наведением порядка в топонимике края должны заняться ученые-лингвисты. В противном случае могут исчезнуть многие названия или исказиться до неузнаваемости. Вмешательство специалистов нужно и в случаях присвоения названий новым поселениям, промыслам, месторождениям и прочим объектам. Сейчас это происходит стихийно и носит чисто субъективный характер.

О возможности исчезновения старых топонимов свидетельствует хотя

бы исчезновение названия Вартовск, хотя само поселение не исчезло. Сейчас есть Нижневартовск и Верхневартовск (Александровский р-н Томской области), а вместо Вартовска появился Вампугол (Вампугольск в русской транскрипции).

А Вампугол тоже был. Но находился он ниже Нижневартовска по течению Оби, в районе расположения нынешнего РЭБ флота, на берегу Вампугольской протоки. Длительное время существовал Вампугольский сельский Совет, в административном подчинении которого были все населенные пункты, в которых проживали ханты. Центром Совета был Вартовск.

Шли годы, менялся национальный состав населения, некоторые поселения исчезли, в том числе и сам Вампугольск, а название Совета сохранялось и тогда, когда в его подчинении были уже другие населенные пункты. Вот тогда, в конце шестидесятых годов, и возникла идея переименования Вартовска в Вампугольск и присвоения ему статуса села. Должен признаться, что к этому непродуманному решению причастен и я, будучи в то время секретарем исполкома райсовета.

Вартовск известен широко еще и тем, что в период кулацко-эссеровского мятежа здесь разыгралось одно из трагических событий. Когда отряд Антонина Петровича Зырянова отступал под натиском неприятельской стороны и прибыл в Вартовск, один из местных жителей, некто Мартемьянов, в упряжках отряда подрезал гужи и отряд не смог двинуться дальше, был окружен и уничтожен. Братская могила и сейчас находится там, на месте захоронения погибших. Упоминание о Вартовске встречается в различных источниках более чем двухсотлетней давности.

Если уж о топонимике говорить по большому счету, то те, кто пришел на землю Югры для освоения ее природных богатств, до сих пор чувствовали, да, пожалуй, и сейчас еще чувствуют себя покорителями и хозяевами ее. В своих действиях и по-

ступках они очень часто пренебрежительно относятся к языку, традициям и жизненному укладу подлинных хозяев этой земли. Поэтому, давая названия возникающим в результате экономической деятельности новым поселениям, промыслам, месторождениям и другим объектам, учитывают только то, что связано с их деятельностью. А то, что было до их прихода и существовало сотни и тысячи лет, их не интересует. Так возникают Солнечные, Магистральные, Белорусские, Повховские, Бахилевские, Хохряковские и другие.

Я совсем не хочу умалять заслуги белорусских строителей, буровиков, нефтяников и тех деятелей, имена которых присвоены различным объектам. Но ведь все это возникло не на пустом месте, а топографически или географически обозначенном. На их местах или вблизи их жили, трудились, умирали, вновь нарождались многие поколения подлинных хозяев этих мест. Данные ими названия каждому клочку обжитых мест имеют не только географическое значение. Это история народа. Перекраивая все на свой лад, мы перекраиваем не только географию и топографию, но зачеркиваем и историю народа.

А для того, чтобы отметить заслуги тех, кто что-то существенное сделал для развития нефтегазовой промышленности, нужно искать другие способы.

Хочется отметить еще одно обстоятельство. На ныне существующих географических картах даже очень крупного масштаба почему-то нет названий многих, даже крупных объектов. Приведу лишь один пример. Довольно большое озеро, из которого берет начало речка Аган, считается безымянным, хотя оно всегда имело название, переводимое на русский как «Змеиное озеро».

Еще раз хочу отметить, что надо стремиться к сохранению и использованию старых названий и тем самым действительно оказать уважение к подлинным хозяевам края, к их истории.

КАК УБЕРЕЧЬ ТЕПЛО В ДОМЕ?

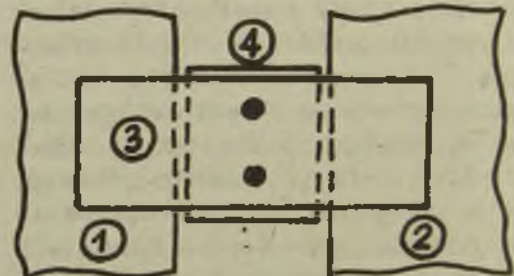
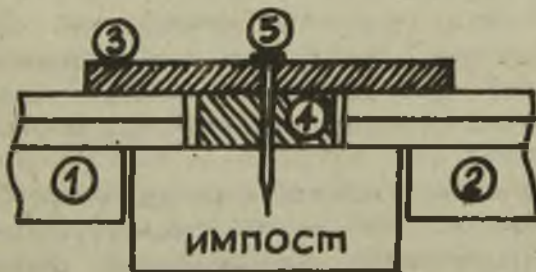
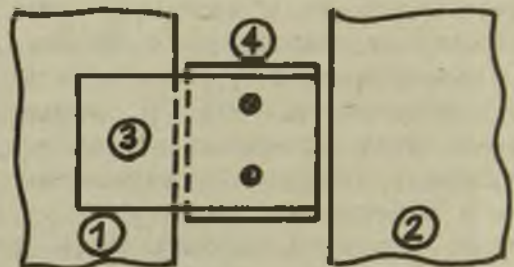
Задумывались ли вы над тем, куда уходит тепло из дома! Прежде всего через балконную дверь, окна и вытяжные вентиляционные отверстия, которых в любой квартире два: на кухне и в туалете.

Что надо сделать, чтобы через балконную дверь не терять тепло?

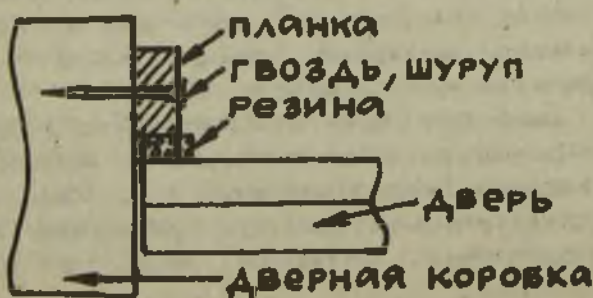
Утеплительный шнурок, проложенный по периметру балконной двери, как правило, при ремонте закрашивается, а он должен быть чистым, мягким. Закрашенный, он не дает уплотнения, и теплый воздух уходит на улицу. Шнурок промыть в ацетоне от краски, чтобы он был мягким, или же вместо шнурка приклеить узкую полоску микропористой резины шириной около 1 см так, чтобы она ненамного выходила за край кромки. Приклеить резину можно клеем 88, «Момент». Гнезда запоров, как правило, деформированы; они не дают нормального прижатия двери. Надо сменить испорченные планки дверных запоров.

Балконные двери двойные, и между ними нужно проложить тонкую полоску поролона, а если его нет, обмазать щель кругом замазкой или оклеить бумагой. С улицы надо по периметру дверного проема прибить планку с наклеенной микропористой резиной. Закрыв дверь, прибить планку с резиной. Потери тепла через дверь резко сократятся.

Так же надо обработать и окно, выходящее на балкон. Секцию окна, выходящего



- 1, 2 - створки окна
3, 4 - прижимная планка
5 - гвоздь, шуруп



Решетка



Рис. автора.

на балкон (лоджию), можно оклеить из помещения еще и бумагой, как это обычно делается. Меньшую секцию окна мы будем открывать для проветривания квартиры, поэтому ее заклеивать не надо, но планки с микропорой со стороны улицы надо прибить и для маленькой секции. Также проложите между рамами поролон, или обмажьте щель этой секции кругом замазкой, или оклейте бумагой. Если нет возможности заменить деформированные гнезда запоров, то надо большую секцию окна, выходящего на балкон, прижать к раме дополнительной планкой из толстой фанеры или доски так, чтобы маленькая секция окна могла свободно открываться для проветривания.

Посмотрите на чертежи, и вам станет понятно, как это сделать.

Через два вентиляционных отверстия, находящихся на кухне и в туалете, теряется также немало тепла. Утром вы уходите на работу, в квартире никого не остается, и вентиляция до вашего прихода не нужна; ведь в вентиляционные отверстия весь день улетучивается тепло.

А раз из квартиры ушел теплый воздух, то в ней создается разрежение, и холодный уличный воздух с большой силой поступает через щели. Также не нужна кругло-суточная вентиляция туалета, она необходима лишь во время пользования туалетом, то есть 10-15 минут. Поэтому эти 2 вентиляционных отверстия надо держать закрытыми и открывать их, лишь когда они нужны: при готовке пищи, при пользовании туалетом. Экономия будет ощутимая.

Надо сделать из фанерки, доски или оргалита щиток по размеру вентиляционного отверстия, укрепить на нем крючки и вешать на решетку, которой закрыто вентиляционное отверстие.

Для изготовления крючков и их установки на фанере, картоне надо взять тонкий гвоздь или проволоку (какая есть под рукой), в пластинке пробить гвоздем отверстие, пропустить проволоку и один конец загнуть небольшим крючком. На эти крючки мы и будем вешать пластинку на решетку, перекрывая бесполезный уход воздуха из квартиры.

Если в квартире холодно, можно поднять температуру градуса на 2-3. Для этого надо взять вентилятор и поставить его около отопительной батареи так, чтобы воздух от вентилятора шел на батарею. В комнате станет намного теплее.

В. ИЛЬИН.

ПОМОГИТЕ РАДИАТОРУ

После включения центрального отопления в городах у жильцов нередко возникает проблема непрогрева радиаторов, когда часть батареи дает тепло, а другая остается холодной. Особенно часто случается это в старых домах. Причина в том, что в нижней части радиатора скапливаются твердые частички окислов железа, грязи, которые забивают каналы и нарушают циркуляцию воды. Жильцы вызывают мастера, жалуются, но толку от этого мало — отопительная система уже включена, разбирать и промывать ее никто не станет.

Вот и у меня в квартире случилась такая же беда с большой десятисекционной батареей, установленной в самой холодной угловой комнате. Шесть секций работали, а четыре оставались холодными, и не помогали обычные в таких случаях постукивания по ним молотком. И все же я решил попробовать справиться с проблемой самостоятельно. Почему бы не привести в движение осевшую грязь с помощью тепла?

Я поставил под холодную секцию батареи включенную в сеть электроплитку. Минут через пятнадцать нижняя часть радиатора нагрелась, и батарея заработала нормально — циркуляция горячей воды была восстановлена!

Если радиатор установлен низко и электроплитку под него подставить нельзя, рекомендую использовать электрический отражатель.

А вот от разогрева батареи паяльной лампой хочу предостеречь: очень часто такой способ становится причиной пожара.

И. НАЙМАН.

Владимир НАЗАРОВ

ПЛЕННИКИ МОРОЗА

...В жестокую январскую стужу лирохвостые косачи, покормившись засветло березовыми почками, под вечер ныряют в снежные пуховики.

Долгую суровую ночь коротают птицы в снегу. Но подстерегает косачей в эту пору другая опасность. Рыскает по легкому насту лисица, где-то крадется рысь. Нападут на след косачиной ночевки и учинят разбой. Иногда слабая тетерка не может сразу пробить затвердевшую на сорокаградусном морозе кровлю-корку, не взлетит вовремя — и попалась в зубы хищной твари.

Мне приходилось видеть перья и замерзшую алыми бусинками кровь на сверкающем снегу. Вздогнет сердце, замрет.

Мороз — не родной дядька. Заставляет он тетеревов и на другую ночь черными комками падать с высоких берез на снежные поляны. И опять кого-то недосчитается стая. «Фр-р! Фр-р!» — треском отдается в лунном сиянии, — ошалевшие полусонные птицы в снежных вихрях выбрасываются на обжигающий холод, летят в сухом колючем воздухе и где-то снова падают в снег, не в силах бороться со всепроникающей стужей.

Несмотря на свою теплую шубу, сильно мерзнет такими ночами и зайчишка. Косой, чтобы согреться, пробегает за несколько часов десятки верст. Вы, наверное, видели в лесу твердые, натоптанные тропы? Это — заячьи. Много их бывает, и распутать невозможно: кружат по лесу. Иногда целая полянка встретится — след к следу снег притоптан.

— Зайцы плясали! От мороза спасались, — скажешь вслух, удивившись изобретательности и находчивости косых.

Но кое-где злой браконьер донимает симпатичного трусишку своими силками. Бежит тропкой косой, греется, радуясь, что не попался лисе в зубы, а тут петля — ловушка. Так и замерзнет беляк, намертво ею схваченный. Приходилось мне такое тоже видеть в лесу, от гнева сам бы посадил этого браконьера в петлю. Жестоко, бесчеловечно поступает человек.

И вспоминается мне детство. Раз ходили мы с отцом за болото сено смотреть. Один стожок «похудевшим» оказался.

— Лось был! — сказал отец, указывая на широкие следы, протянувшиеся от обглоданного осинника. Лось легко дотягивался через сугробы до сена, кормился тут, видно, и днем, и ночью, не пугаясь близости человеческого жилья, лая собак и скрипа саней. Трудно приходилось зверю в ту зиму: глубокие снега, затяжные суровые морозы. Вот и повадился. Кстати, тот стожок мы так и не вывезли, «лосиным» его назвали.

Особенно худо зимой разным малым пташкам, вроде синиц. Некоторые из них в лютую стужу или свирепые бураны забиваются в дупла, выдолбленные дятлами в деревьях-гнилушках. Но на всех дупел, конечно, не хватает. И хорошо делают наши школьники, вывешивая на лесных опушках, в парках теплые домики и кормушки. От голода, от холода спасают пичужек.

Красив зимой лес, но суров и драматичен. По своим законам движется тут жизнь, выживает сильнейший, слабый же погибает в схватке. И долг человека — помочь всем пленникам мороза.



Фото автора.

СЕРЫЙ ГУСЬ

Ю. ГОРДЕЕВ

В тот далекий июньский день 1937 года, когда мы с Гришей, переплыв протоку Омут возле села Елизарово и выйдя к озерку, рассматривали разных уток, из-за парковой рощи неожиданно вылетела какая-то большая птица и громко крикнула:

— Это гусь — беляк, — сказал Гриша. — Их у нас много гнездится. Весной я ездил на охоту на них с дядей Иваном.

Он рассказал, как проходила охота на гусей — гусевание или гусничество. Картина этой охоты, дополненная более поздними рассказами, выглядела так.

К гусеванию готовились заранее. В каждой большой семье были один-два охотника, которые знали определенные урочища, «садбища» гусей, где осенью рыли в земле ямы и устраивали «скрадки» — укрытия. У одних это были просто ямки с сеном, закрытые сверху досками, на травянистых веретях, где снег раньше сходил. Они размещались в нескольких сотнях метров от теплых избушек, стоящих в рощах ивняка. У других скрадки представляли собой маленькие избушки-землянки, крытые дерном, в которых ухитрялись установить маленькую печку, так что не надо было каждый раз ходить от избушки к скрадку и обратно.

Возле скрадка со времени прилета гусей в конце апреля выставляли «маньщики», которые представляли собой либо перовые чучела, либо выпиленные из тонких и широких досок профили. Лучшим средством привлечения гусей на садбища были живые птицы, некоторые охотники содержали их всю зиму дома.

Увидев маньщики, стая гусей начинала снижаться по кругу, внимательно осматривая место. В этот момент охотник издавал призывные голоса, которые у разных видов разные, с помощью манка из бересты. Если осторожные птицы не замечали на земле каких-либо движений или необычных, пугающих предметов, то опускались, хлопая крыльями. С этих секунд охотник превращался в комок нервов, его сердце усиленно билось. Наступали самые ответственные моменты всей охоты — прицеливание и выстрел. Для большей эффективности некоторые использовали старинные ружья «фузеи» 8-10 калибра или имели два заряженных ружья. Кроме того, нужно было выждать момент, когда птицы сойдутся в кучу. После выстрела охотник быстро собирал подбитых гусей, при этом следил, чтобы на земле не оставалось пятен крови или перьев, которые могли отпугнуть осторожных птиц. За весну таким образом удачливые и умелые охотники в те далекие времена добывали до сотни гусей разных пород, а в их числе — по десятку и больше серых.

Прошли годы и в местах, где зимовал или гнездился серый гусь, возросло влияние антропогенного экологического фактора, включая и непосредственное уничтожение этой крупной птицы охотниками.

Среди разных гусей, встречающихся в устье Иртыша весной и осенью, серый самый тяжелый, отдельные особи его достигают веса 6,5 кг. В последнее время (1980-90 годы) он стал редок и не каждый охотник может похвалиться, что добыл хотя бы одного или даже видел, тогда как еще в 1960 году при устье протоки Неулевой у г. Ханты-Мансийска на сору у Коровьей рощи, где было старинное садбище, приземлялись стаи по 60—70 птиц. Редким стал серый гусь и в местах древнего гнездования по р. Иртышу при устье р. Конды в окрестностях сел Тюли, Базьяны, по р. Оби у г. Сургута, пос. Нялино, Елизарово, Сухоруково, Березово. У Березова до сих пор сохранилось название протоки — Гусева, где серые гуси в былые времена обычно гнездились. В настоящее время они в не-

большом количестве гнездятся в средней части долины р. Оби и особенно — в Елизаровском заказнике.

По окраске этот гусь самый светлый. Даже в полете заметно, насколько светлее его надкрылья по сравнению с другими. Вероятно, из-за этой окраски он и получил местное название «беляк».

У коренных жителей края он имеет разные названия: по р. Сосьве — лонд, по Оби — лунг, по Ваху — лонт.

Возрастающее влияние антропогенного фактора на гусей вызвало не только сокращение их численности в местах гнездований, но и изменение исконных мест зимовки, что повлияло на направление пролетных путей. Раньше большая часть серых гусей от нас летела зимовать на запад, на побережье Атлантического океана (в Бельгию, Голландию, Францию, Англию). Сейчас летят на юг — через Каспийское море в Пакистан и Индию.

На теплых зимовках гуси проводят 2-3 месяца и в конце февраля начинают возвращаться обратно. В марте они прилетают на Каспий, а в апреле уже спешат домой, при этом самые нетерпеливые «разведчики» достигают в этом месяце границ округа. Основной прилет происходит в первой декаде мая, когда хорошо проступают проталины.

Возвращаясь с зимовок, серые гуси даже в стаях держатся парами, которые сохраняются на всю жизнь. На весенних охотах не раз наблюдали, как над подбитой самкой кружится самец, издавая тревожные звуки.

Летят гуси обычно, выражаясь техническим языком, в третьем эшелоне, на высоте 100—150 м. и нередко переговариваются, особенно весной. Услышав эти голоса, люди поднимают головы, провожая радостными взглядами шеренги этих крупных птиц, по примете несущих на своих крыльях тепло, потому что обычно летят при попутном южном ветре.

Прилет серых гусей бывает очень рано утром. Преодолев за один перелет 250—300 км, птицы устают и часов в 10-11 ищут место для отдыха. Заметив подходящую проталину, они, как люди, начинают переговариваться негромкими голосами, как будто советуются и уточняют место посадки. Потом вся шеренга, сгучиваясь, совершает два-три круга, оценивает обстановку с высоты. Не обнаружив опасности, птицы садятся, хлопают крыльями и сразу замирают, вытянув шею — прислушиваются к голосам родной земли. Проходит минута-другая — одни птицы начинают щипать корни травы, другие, положив головы на спины, дремлют, а часть продолжает оглядываться по сторонам — это добровольные сторожа в табуне.

По мере успокоения птицы от центра посадки начинают разбредаться в стороны мелкими группами, а потом и парами. Самцы в таких парах ревностно охраняют своих подруг от холостых соперников, отгоняют их, опустив голову вниз и угрожающе шипя. Если на «садбище», где отдыхает первая стая, прилетает новая, все разом поднимают головы и выжидающе смотрят, как те опускаются и куда пойдут.

Переночевав ночь, стая с рассветом, если погода теплая, распадается на парочки, и гуси разлетаются на осмотр мест будущих гнездовых. Если погода не испортится, не вернутся холода со снегом, то больше в стаю до самой осени гуси не собираются.

В долинном ландшафте Оби серые гуси для своего весеннего пребывания, связанного с размножением, выбирают гряды со старой травой и редким ивняком, или острова среди реки с ивняком — прутняком, или заросли тростника по берегам озер, но обязательно такие урочища, чтоб сидящие на гнездах птицы были в них хорошо скрыты и при этом имели широкий обзор. Дополнительно к этим мерам охраны гнезда самец, большую часть времени находясь вблизи, тоже следит за всеми опасностями. Если опасность невелика, например, набрали в поисках пищи барсук, лиса или бродячая собака, то, приняв угрожающую позу, отгоняет. Если заметит приближающегося человека, то предупреждает тихим голосом самку и отплывает в сторону. Самка прикрывает гнездо пухом и

травой и, стараясь быть незаметной, уходит в сторону. Вообще у гуси ведут себя тихо и только крупные «жизнейские» невзгоды заставляют подавать голоса, и тогда знающий человек может определить место их нахождения.

В конце мая в гнездах бывают полные кладки из 6-7 крупных белых яиц, которые самка греет в течение месяца. В июне толстая скорлупа яиц трескается и на свет являются желтые пушистые гусята — новое племя этих важных и осторожных птиц. В отличие от уток, папаша-гусь в эту пору не бросает свою семью, а принимает постоянное участие в охране ее покоя почти до середины июля, пока не наступит у него самого ответственное время линьки. К этому времени обычно у гусят большая часть пуха заменяется перьями, в том числе и такими важными для их дальнейшей перелетной жизни маховыми и рулевыми. Эти крепнущие перья помогут им в один из августовских дней, усиленно помавав крыльями, немного подняться над водой и посмотреть на озеро, где они плавали все лето, сверху.

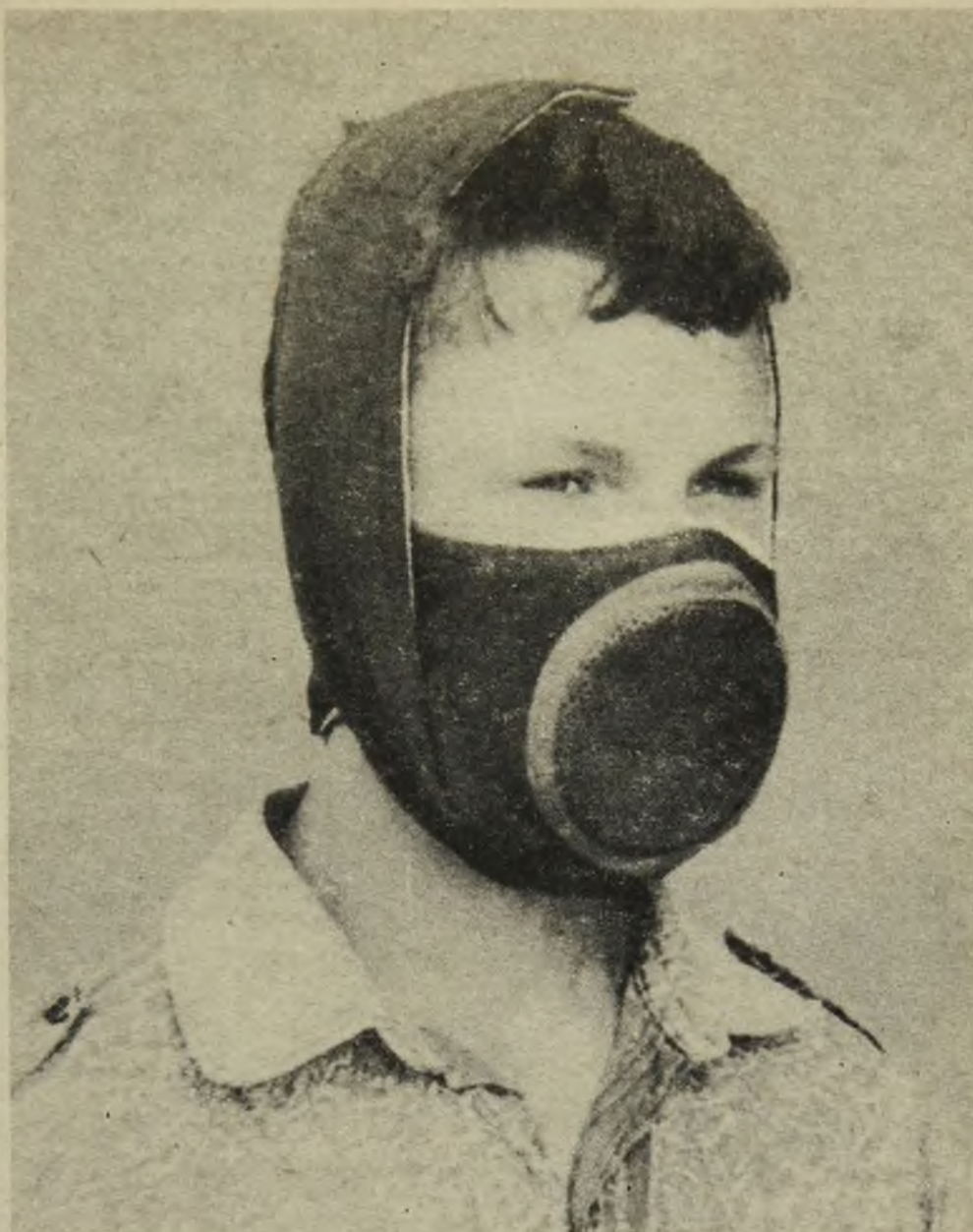
Первые дни гусята совершают один-два круга и тяжело падают обратно на воду. Потом вместе с родителями начинают садиться на землю, вылетая на ближние пески, где собирают песчинки, или на кормовые веретья с нежной травой. В этих ежедневных перелетах у гусят крепнут мускулы, а в поведении появляется «важность» и осторожность. В сентябре они готовы к дальнему перелету, и семьи, как и весной, собираются в большие табуны. Здесь происходят первые знакомства молодых самцов и самок, появляются первые симпатии, а порой складываются уже и первые пары.

В сентябрьские дни молодые и старые гуси отдают много времени не только поискам пищи, но и приведению в порядок оперенья. Птицы часами перебирают его клювами и тщательно смазывают каждое перышко жиром, чтобы оно не намокало от озерной воды и дождей, которые часто идут в эту пору. Время идет к зиме, и вот однажды в конце сентября (в народном календаре есть даже святой Никита, к имени которого прибавлено слово «гусятник», это 28 число) они взлетают с тревожными криками в небо и устремляются на юг. Нередко бывало, что через несколько часов после отлета гусей начиналась снежная метель. Птицы каким-то своим чутьем предугадывают ее приближение.



Фото автора.

ТЕПЛОЗАЩИТНАЯ МАСКА «СЕВЕР»



Даже очень сильный мороз до -60° и ветер не будут Вам помехой, если Вы будете пользоваться маской «Север» (аналог см. на фото). Она надежно защитит от контакта с холодным воздухом открытые части лица: скулы, щеки, нос, а также шею и уши. Главное ее достоинство в том, что человек, пользующийся ею, сколь угодно долгое время пребывания на морозе при -45° дышит согретым, теплым воздухом, не применяя при этом дополнительных источников энергии!

ФАНТАСТИКА! — скажете Вы, и не ошибетесь — таких изделий в России раньше не было — мы ее запатентовали, а к серийному производству приступили в июле 1992 г.

Купите хотя бы пробную партию этих изделий, и Вы на своем опыте убедитесь, что нами названы далеко не все ее достоинства. После испытаний в институте биофизики Минздрава России маска рекомендована к широкому применению без противопоказаний и ограничений.

По вопросам приобретения изделий обращайтесь: 625003, г. Тюмень, ул. Р. Люксембург, 12, малое предприятие «НЭССИ», тел. 25-02-41, факс 24-74-00

